

1. На запад!

В начале октября 1941 года в маленькую комнату бывшей назаровской сберкассy, отведённую под кабинет командира 942-го артиллерийского полка, вошёл прекрасно одетый молодой человек в модном длинном пальто и широкополой велюровой шляпе. Майор Фомин, командир полка, поднял голову от бумаг, бросил на вошедшего испытующий взгляд, и лицо его сразу стало строгим, даже суровым... Идёт война с таким серьёзным противником, какого Рабоче-крестьянская Красная армия ещё не встречала. Алексей Григорьевич Фомин уже испытал на себе его силу. Командиром гаубичного артиллерийского полка он прошёл с боями от западных границ Союза до Днепра. Он видел и пережил такое, что ясно понимал: лёгкой и быстрой победы не будет. Стране надо собрать все силы в мощный кулак. Как можно быстрее. Размышлять и раскачиваться некогда. В Красноярске срочно комплектуется новая стрелковая дивизия. Срок — два с половиной месяца. Фомин — командир создающегося в её составе полка. Ему нужны не просто добросовестные исполнители, а — без преувеличения — работяги и подвижники! И что же? Кого пригласить? Какого-то «денди лондонского»? Фомин не знал тогда, что с этим «денди» его свяжут годы настоящей офицерской дружбы. По направлению штаба 374-й стрелковой дивизии к месту службы — на должность помощника начальника штаба — прибыл Павел Рожков.

«Всё надо было создать „на чистом месте“, — пишет Павел Иванович в своих записках. — Штабных офицеров, да и просто кадровых военных почти не было. Поэтому я должен был приступить к работе без промедления. Майор Фомин разрешил мне уделить несколько часов устройству личных дел. Поменяв гражданскую одежду на военное обмундирование, побывав в отведённой мне комнате в домике местного колхозника, я снова вернулся в штаб.

В этот же первый для меня военный день вместе с командиром полка засиделись в штабе до глубокой ночи. Нужно было изучить работу штабов артиллерийского полка военного времени, заполнить штатные списки личного состава дивизионов, батарей, взводов и орудий. А вновь прибывших на комплектование солдат и офицеров распределить, после короткого знакомства с ними, по подразделениям... Алексей Григорьевич, несмотря на короткое время работы в полку, хорошо знал людей. Всё, что он делал, было солидно, внушительно. Сам он работал быстро и аккуратно, изредка посматривая на меня, проверял ту работу, которую я выполнял. Мне хотелось, чтобы моя работа ему понравилась, и, как бы проверяя сделанное, я изредка также посматривал на лицо своего боевого командира. Свою задачу Фомин представлял очень отчётливо и хотел, чтобы и мы все знали и понимали её до конца и правильно».

Алексею Григорьевичу Фомину было тогда тридцать пять. Большая красивая темноволосая голова, ранняя седина на висках, умный пронзительный взгляд... Они были почти ровесники с Рожковым, но Павел безоговорочно принял его авторитет. Спустя годы он старательно воспроизводит в дневнике вехи жизненного пути своего наставника-друга: «Красноярец А. Г. Фомин прибыл на родную землю, к своим землякам, чтобы быстро научить их сложному артиллерийскому искусству, научить воевать с грозными, хорошо вооружёнными солдатами фашистской Германии. Город Красноярск, обширный Красноярский край, красноярцы-сибиряки были хорошо известны Алексею Григорьевичу. Он родился 25 февраля 1905 года в Красноярске, в семье деповского рабочего. Алексей с большим успехом закончил среднюю школу в г. Красноярске, пошёл по стопам отца, пройдя обучение слесарному делу, влился в замечательный отряд красноярских деповских рабочих, известных своей революционностью. Путь передового рабочего-комсомольца по призыву партии получил новый крутой поворот. Алексей по направлению комсомола поступил в Томское артиллерийское училище, известное

.....
1. *Марина Савиных*. Горизонты Рожкова. Документальная повесть о судьбе металлурга. — Красноярск: «Платина», 2008.

в стране хорошей подготовкой замечательных командиров-артиллеристов. Когда я был студентом Томского государственного университета (ТГУ) в 1929–1931 гг., то со студентами, моими товарищами по учёбе, не раз бывал в подшефном артиллерийском училище. Хорошее оснащение военного училища современными наглядными учебными пособиями, строгий порядок, высокая культура были прочной традицией, которая давала курсантам возможность под руководством всесторонне образованных офицеров-преподавателей готовить из себя боевых артиллерийских командиров. По окончании училища Фомин стал профессиональным военным и к началу Великой Отечественной войны был кадровым офицером высокой квалификации. Военному делу, непрерывной долголетней службе в Советской армии, благородному служению социалистической родине красноярец Алексей Фомин посвятил многие годы своей жизни».

Осенью сорок первого в 347-ю стрелковую дивизию по мобилизации и добровольцами шли сибиряки-красноярцы разных возрастов и профессий. Прибывали горожане и колхозники, жители степного юга и далёкой тундры. Военных навыков большинство из них не имело. Павел Иванович пишет:

«Нам предстояло не только укомплектовать, но и обучить, сплотить и сделать боеспособными полк и каждого солдата, вновь прибывающего с пополнением. С первого дня работы в штабе под руководством Фомина я с головой ушёл в полковые и прежде всего штабные дела: надо было доводить до конца комплектование подразделений, сколачивание и обучение штаба, штабов дивизионов и служб полка. Работы было так много, вся работа настолько срочная, что мы, офицеры штаба и командование полка, свободного времени совсем не имели.

Сам Фомин был загружен ещё больше. Он постоянно держал связь с командованием дивизии, местными партийными, советскими и хозяйственными организациями, бывал в подразделениях. Нам надлежало выполнить огромную практическую работу и одновременно изучить сложное, многообразное военное дело, и прежде всего артиллерию. Необходимо было перестроить себя, свою психологию. Надо было из мирных советских тружеников воспитать военных, боевых солдат и офицеров, которые, при всей своей сердечной доброте и традиционной русской гуманности, могли бы бесстрашно сражаться с кровожадным, наглым интервентом, фашистским завоевателем».

Современному читателю, наверное, нелегко представить себе, что такое советский артиллерийский полк к началу Второй мировой войны. Орудия — пушки и гаубицы — в основном передвигались с места на место на «конной тяге». Следовательно, артиллеристы, помимо точного

наведения орудий и меткой стрельбы, должны были как минимум знать, «с какой стороны к лошади подойти». Очень быстро выяснилось, что большинство офицеров «конную тягу» видели только издали. Да и лошади, поступавшие в полк из местных колхозов и совхозов, а то и — прямо табунами — из Хакасии, военной службы не знали. Их никогда не приучали ни к строю, ни к верховой езде, ни тем более к жёстким условиям артиллерийской службы. Так что работа, которую комсостав полка должен был выполнить за месяц, по объёму соответствовала бы не одному году. Если бы не война, которая уже перевернула и большевистские представления о времени.

«В Назарово, — продолжает Павел Иванович, — к 1941 году не было крупных промышленных предприятий. Все строения были небольшие, деревянные, для размещения личного состава использовались любые мало-мальски пригодные помещения, плохо оборудованные, с печным отоплением. Для учебных целей совсем не было места, учебных пособий было так мало, что на пользование ими, уставами и наставлениями командиры составляли почасовые графики работы. Размещение многочисленного конского состава представляло немало затруднений, типовых конюшен не было и в помине. Для содержания лошадей использовались старые сараи примитивного кирпичного завода. Сбруй, уздечек для лошадей было так мало, что часть лошадей содержали табунами; артиллерийской амуниции не было совсем. На каждую батарею приходилось по несколько саней и кошёвок с обыкновенной колхозной, деревенской сбруей. Большинство офицерского состава с лошадьми было плохо знакомо, а многие до этого к лошадям близко не подходили. А надо было сделать так, чтобы взводы, батареи, дивизионы были чётко организованы, чтобы люди — солдаты и офицеры — стали монолитной, слаженной, подвижной и легко управляемой боеспособной организацией. Чтобы пушки и гаубицы, которых ещё к тому времени в полку не было, стали грозным оружием».

По направлениям военкоматов в полк ежедневно прибывали новые люди. Их нужно было встретить, распределить по подразделениям, включить в поток новой, непривычной для них военной жизни, приучить к строгой дисциплине, обучить специальностям наводчика, связиста, топографа. Не говоря уже об управлении лошадьми. Фомин учил и воспитывал личный состав полка прежде всего собственным примером.

«Всем хотелось быть такими же, как Фомин. Однажды при проведении занятий по верховой езде обнаружилось, что многие офицеры не умеют ездить на лошадях, не справляются с управлением. Лошадь везёт офицера куда захочет... Закончив занятия на плацу, многие убедились, что пока из них

кавалеристов не получается. И приуныли. Алексей Григорьевич, чтобы подбодрить своих офицеров, выбрал самую непокорную, необученную лошадь, вывел её перед строем и стал показывать и рассказывать, как надо обращаться со строевым конём. Показ верховой езды нас оживил и ободрил. Лошадь под руководством нового наездника преобразилась, подтянулась, стала стройной и охотно выполняла приказания седока. Лошадь и всадник словно стали одним целым, слились воедино. Лошадь стала резвой, движения её — строгими и красивыми. Она почувствовала, что ею управляет сильный, ловкий и умелый человек. После этих занятий интерес к коню, к верховой езде охватил всех офицеров. Обучение людей и лошадей пошло живее, успешнее. Многие офицеры восхищались Фоминым. Он оказался способным зажечь интерес к каждому делу. Появилась уверенность в том, что конно-артиллерийские батареи, а значит, и весь полк, будут иметь хорошо обученные и съезженные орудийные упряжки. Через несколько месяцев, уже будучи на фронте, наши артиллерийские лошади работали слаженно и позволяли выполнять ответственные боевые задания. Движущаяся колонна конной артиллерии вызывала восхищение. Жители городов и деревень прифронтовой полосы с гордостью смотрели на красивые дружные упряжки, составленные из сибирских лошадей»².

В ноябре формирование полка — «по штату военного времени» — было закончено. Солдаты и сержанты были за два месяца подготовлены из вчерашних рабочих и колхозников Красноярского края. Офицеры — или кадровые военные, уже успевшие повоевать и выписавшиеся из госпиталей, или призванные с мест своей мирной службы инженеры, техники, строители, учителя. Да «конная тяга» — полудикие степные лошади, наскоро объезженные в Назарово на учебном плацу. И на всё про всё — семь пистолетов ТТ, сохранившихся у прибывших из госпиталей офицеров, тринадцать винтовок, два телефонных аппарата и к ним полтора километра телефонного провода. А если к этому добавить, что настоящих артиллерийских орудий и приборов в полку до приезда на фронт и в глаза не видели (не было даже учебных плакатов!), то сам факт отправки его в самое пекло войны кажется невероятным. Но это — факт. Он подтверждён дневниковыми записями Рожкова.

В конце октября в 942-й артполк с проверкой приехал тогдашний командующий Сибирским военным округом генерал-лейтенант Медведев. Прибывшие с ним офицеры проверяли всё — от работы штаба до хозяйственной части. Инспекторы

сделали вывод: пора на фронт! И назначили дату отъезда. Уже третьего ноября командир дивизии полковник А. Д. Витошкин потребовал от Фомина доклад о работе в полку по выполнению инспекторских замечаний. Фомин с отчётом отправил в Красноярск Рожкова. Так у Павла появилась возможность перед отъездом на фронт повидаться с семьёй. Поручение Фомина он выполнил (обратив попутно внимание на личные и профессиональные качества полковника А. Банифатьева, который принял его с докладом) и седьмое ноября, день двадцать четвёртой годовщины Октябрьской революции (праздник, народом искренне любимый и всегда с энтузиазмом отмечаемый), провёл у родителей. «Настроение у них было тревожное, — записывает он позже в дневнике. — Отец знал войну. Он был на фронте в Первую мировую».

Прощавшись с родителями, сёстрами, родными и близкими и вернувшись в Назарово, Павел снова с головой ушёл в организационную работу. Наконец семнадцатого ноября на станции Ададым началась погрузка первого эшелона полка. Полк отправлялся тремя эшелонами. В каждом — по дивизиону. Штаб, штабная батарея и все полковые службы уезжали последними.

«Командир полка майор А. Г. Фомин, начальник штаба капитан К. И. Тихомиров и все офицеры штаба, торжественно прощавшись с личным составом первых эшелонов, пожелали им счастливого пути, напутствовали деловыми советами. Наконец и наш эшелон тронулся. Исчезают последние строения станции и посёлка Ададым. Все воинские эшелоны шли с большой скоростью. Редкие кратковременные остановки были предназначены для смены паровозной и поездной бригад и для заправки паровоза топливом и водой. После двух суток пути на большой станции, где имелись специальные платформы, удобные для вывода лошадей из вагонов (в каждом вагоне везли восемь лошадей), наш эшелон поставили в тупик. Лошадей вывели из вагонов на привокзальную площадь, и солдаты начали энергично гонять их прямо небольшими табунами. Уставшие от долгого стояния в вагоне, лошади сначала двигались медленно, но постепенно их мышцы освобождались, размягчались, бег наших лошадей ускорялся. Такой тренаж в течение двух часов оживил животных, которые за время пути начали уже болеть и падать. Лошадей завели в вагоны. И снова в путь. С тем же временным графиком. На запад!»³

В конце ноября эшелон прибыл на станцию Молочная, что под Вологдой. Здесь была уже настоящая зима. Стояли крепкие морозы. По заледенелым полям гулял пронзительный ветер. Почти без отдыха, с ходу, замерзая и отогреваясь на ночёвках в деревнях у русских печек, 942-й артполк вместе

2. Из записок П. И. Рожкова.

3. Из записок П. И. Рожкова.

с подразделениями своей дивизии совершил шестисоткилометровый марш-бросок до Череповца. Колонны артиллеристов Фомина пешим порядком двигались по заснеженной дороге, а в небе над ними барражировал фашистский самолёт. И сбрасывал вместо бомб разноцветные листовки: «Сибиряки, мы с вами не воюем!», «Сибиряки, мы дойдём только до Урала!». Были тут и карикатуры на Сталина, и просто ругательства и угрозы. «Сначала нам было страшно,— вспоминает Павел Иванович,— но потом мы почувствовали даже какую-то безопасность. Хорошо, что не бомбит, не обстреливает из пулемёта! Листовки призывали советских солдат брать эти бумажки и с ними сдаваться в плен. Всем обещали сохранить жизнь, сулили всевозможные блага и богатство. К чести сибиряков, листовки они сразу же рвали, в гнев топтали ногами. Не было замечено ни одного случая, чтобы кто-то прятал листовку в своей одежде». Тяжёлый, горький это был поход. Вологодские деревни показались Рожкову значительно беднее красноярских. Во всём чувствовалась близость фронта. На лицах местных жителей, в основном женщин, стариков и детей (взрослые мужчины и парни призывного возраста давно уже воюют), — растерянность и тревога. «Наступило горе на мирных жителей нашей Родины,— записывает Рожков в дневнике.— Что их ждёт?»

На ближайшей грузовой станции недалеко от Череповца артиллеристы снова погрузились в вагоны и по железной дороге — дальше на юго-запад, ближе к фронту. На каждой остановке к эшелонам устремлялся народ. Люди с надеждой вглядывались в лица своих защитников, внимательно рассматривали хорошо одетых солдат и офицеров. Рожкову слышались одобрительные возгласы: «Сибиряки! Эти останвят и побьют фашистов. Мы победим и будем спасены».

Но вот и пункт назначения. Новая разгрузка, новый марш. Повинуясь неумному инстинкту прирождённого исследователя, Павел всю дорогу ведёт дневник, записывая впечатления. Он отмечает, например, что в бедных северных деревеньках среди низеньких избушек-развалюх гордо возвышаются белокаменные церкви — нарядные, опрятные. «У нас в Сибири этого не увидишь,— сожалеет Рожков,— все церкви разрушены в период коллективизации». Колонна полка двигалась к фронту всё быстрее и быстрее, бесостановочно, по прямой. «Стороной миновали Бокситогорск,— подчёркнуто в дневнике,— это новый промышленный город, здесь находится крупнейшее месторождение бокситов».

Вскоре стала слышна прифронтовая канонада. «Мы ещё не в бою. Но где-то недалеко идут сражения. Гибнут наши люди. Пока мы к этому не готовы. Нет орудийных систем и боеприпасов, нет средств связи, приборов наведения».

После нескольких переходов полк разместился в большой деревне, где его экипировка наконец завершилась. Была получена со складов артиллерийской амуниции, собраны комплекты упряжи (которая оказалась безнадёжно велика для сибирских лошадок, отнюдь не предназначавшихся для работы породистых тяжеловозов! — всю «конскую амуницию» пришлось перекраивать и перешивать), созданы упряжки по шесть лошадей, и началась их выездка — без орудий, пока только для того, чтобы приучить «конную тягу» ходить под седлом в строгом порядке. Все эти — пока ещё мирные — действия требовали массу времени, изобретательности, моральных и физических усилий множества людей. Для сборки амуниции, например, Фомину пришлось организовать что-то вроде фабричного конвейера. Солдаты и офицеры, никогда прежде не вникавшие в устройство конской упряжи, превратились в сборщиков. Фомин рассадил их поудобнее, показал, что и как нужно делать, — и «процесс пошёл».

Но это было ещё не всё. Штабным офицерам предстояла довольно трудоёмкая работа с топографическими картами: их нужно было разобрать, склеить, научиться быстро укладывать огромную карту в сумку-планшетку, чтобы в случае надобности моментально развернуть её на нужном месте. Нехитрое вроде бы дело, но требует специфической сноровки, навыка. Не говоря уже об умении управляться со средствами связи — полевыми радиостанциями, телефонными аппаратами, коммутаторами... Старшие офицеры, командир полка Фомин, начальник штаба Тихомиров, майор Чистяков всячески помогали младшим товарищам набраться опыта. Личный состав полка ежедневно выкладывался до предела. «Солдаты и офицеры падали от перегрузок, от переутомления, но были довольны,— вспоминал Павел Иванович.— Упряжки натренированы, хорошо повезут орудия, будут способны к манёвру. Тренировки орудийных упряжек продолжались всё свободное время. Лошади были приучены ходить цугом, маневрировать при движении разными аллюрами. Наконец-то получены новые гаубицы — калибра 122 мм. Новое осложнение: орудия получены, а передков для их транспортировки лошадьми на складе не оказалось. Попробовали станины гаубиц закреплять на обыкновенных деревенских санях. Сани рассыпались от перегрузки на первых же десяти километрах. Пришлось снова ждать. Только энергичные действия Фомина, Тихомирова и командира 374-й стрелковой дивизии Витошкина помогли снять это затруднение. Все орудия, оборудование и боекомплект были получены. Полк наконец-то стал артиллерийским в полном смысле этого слова!»

Читаю военные дневники Рожкова... Эти записи чаще всего похожи на лабораторные отчёты

учёного-натуралиста: точная фиксация событий, эмоции — редки и скупы, наблюдательность и объективность — во главе угла, почти никаких оценочных суждений — только факт! Читаю — и поражаюсь невероятному единству традиционного русского разгильдяйства и столь же привычной для нашего человека готовности к сверхчеловеческому усилию, которое большинством даже и не воспринимается как что-то особенное, как подвиг. Сколько времени, сил, физического и интеллектуального ресурса бессмысленно растрачено в первые годы войны из-за чьего-то элементарного головоутиательства! Не в этом ли тогда состояло не измывляемое сталинской пропагандой, а самое что ни на есть реальное вредительство?! Бессознательное, как рассеянность маленького ребёнка. Дорого же досталось стране военное взросление! Как, впрочем, и самонадеянность её тогдашних политических вождей!

2. «Синявинская эпопея»

Войска Волховского фронта (под командованием генерала армии К. А. Мерецкова) уже в середине декабря сорок первого года должны были прорвать блокаду Ленинграда и соединиться с оборонявшимся городом Ленинградским фронтом. По всему восточному берегу Волхова в полной боевой готовности стояли части 59-й армии во главе с командующим генерал-майором И. В. Галаниным. Им предстояло встретиться с тридцатью пехотными дивизиями 18-й армии вермахта. Передний край немецкой обороны проходил по западному берегу реки широкой полосой, включающей железнодорожное полотно и шоссейную дорогу. Оборонительные рубежи были хорошо укреплены: несколько глубоких траншей, замаскированные танки, артиллерийские орудия, пулемёты. ... Рожкова, весь военный опыт которого до сих пор был опытом непрерывной борьбы с катастрофической неготовностью наших вооружённых сил к боевым действиям, поразило «благоустройство» фронтового быта солдат вермахта. Тогда они ещё располагались на завоёванной земле с привычными для себя удобствами. Немецкие спецподразделения вместе с укреплениями строили вполне комфортабельные — по военным меркам, конечно, — блиндажи, бани. По воскресеньям немцы не воевали, устраивали себе отдых. Так что по сравнению с фронтовой жизнью наших солдат немецкие имели вполне цивилизованные условия.

374-я стрелковая дивизия почти сразу же по прибытии была брошена в бой. Артиллеристы Фомина получили приказ обеспечить огнём её наступление. Полк занял огневые позиции — так сказать, «окопался». В дневнике Рожкова читаю: «В наличии на огневых позициях — снаряды 122 мм только для гаубиц, да и то в ограниченном количестве. Фомин оборудовал свой наблюдательный

пункт на колокольне церкви прибрежной деревни Званка. Получили разведанные, схемы целей. Командиры внимательно вели наблюдение переднего края обороны противника. К этому моменту в полку не было никаких средств связи — ни радио, ни проводных. Только большой опыт Фомина позволил с помощью конного разведчика установить связь со старшим на огневой позиции и передать ему установочные данные для прицельной стрельбы по целям. С помощью того же конного разведчика была передана команда для стрельбы на поражение».

В 2002 году Павел Иванович сам рассказывал об этом журнаlistsам В. Магоне и В. Пашниной, которые брали у него интервью для газеты «Новый Енисей»: «Представьте себе такую картину: пехота во время наступления закрепляется на занятых позициях, а мы, артиллеристы, — в километре сзади, и нам необходимо огнём поддержать пехоту. Наш наблюдатель взбирается на колокольню, записывает координаты, затем передаёт записку вниз, где её ожидает разведчик на лошади. Тот скачет во весь опор к артиллеристам, передаёт координаты, потом возвращается к наблюдателю для корректировки огня и снова мчится к артиллеристам...» («Новый Енисей», № 7, 21 июня 2002).

После кратковременной артподготовки пехота пошла в наступление на передние траншеи немецкой обороны. Бой безрезультатно продолжался несколько суток. Продвижения не получалось. Дивизия, говоря языком военных сводок, «имела значительные потери в личном составе». Наконец был получен приказ отвести её в тыл. «Боевое крещение» Павла Рожкова закончилось горьким поражением.

Дивизия заняла рубеж между двумя посёлками: Спасская Полисть — на севере, Мясной Бор — на юге. Спасская Полисть... Званка... Грузино... Мостки... Какие названия! Северная Россия с её старинной культурой... Радищев, Державин, Пушкин, Лермонтов... Всё это — нежно и трепетно — вспоминалось и Павлу. Он даже специально отмечает в дневнике, что Званка, откуда майор Фомин вёл наблюдение за немецкими укреплениями, — это та самая Званка, державинская. И Пушкина вспоминает, и пушкинский Петербург, и военную годину 1812 года... Под ударом врага оказалась вся великая русская культура, которая возвышалась перед внутренним взором Павла как нечто бесконечно желанное, бесценное, близкое и никогда не достижимое вполне. То есть — святое. Враг покусился на святыню! Этим всё сказано! Глубокое чувство защитника родной культуры, в которой черпались постоянно подвергавшиеся потрясениям духовные силы (припомним стыд и отчаяние Норильлага, дневник Рожкова, где объективно представлены факты «готовности» 374-й дивизии к боевым действиям!), в те годы

было так органично для большинства русских людей, что записи Павла Ивановича звучат как бы ещё одной, пусть незаметной, скромной, но уникальной нотой в великой оратории патриотического духа военных лет. Анна Ахматова тогда писала стихи о статуе Ночи в Летнем саду, которую ей пришлось вместе с другими женщинами закапывать от бомбёжек:

Ноченька!
В звёздном покрывале,
В траурных маках, с бессонной совой.
Доченька!
Как мы тебя укрывали
Свежей садовой землёй. . .

А кто не помнит знаменитых строчек Константина Симонова:

...за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих. . .

Ветеран войны, выдающийся учёный-физик Игорь Синани, тоже участник боёв под Ленинградом, рассказывает в мемуарах: «Я принёс из города комплект пластинок с записью оперы „Евгений Онегин“. Помню, был вечер, уже совсем темно, и в комнате я один. Включил последнюю сцену, и тут меня охватило чувство невозможности слушать любимые мелодии, когда смерть из отдалённой туманности превратилась в реальность и встала совсем рядом. Вот-вот должен начаться штурм города — молодые, сильные мужчины чужой страны, направляемые преступной волей, тяжёлым катком танков уничтожат и людей, и их творения. . . Я не выключил „Онегина“, неожиданно для себя решив: наслаждайся лучшим, что у тебя есть, несмотря ни на что. Мне дороги минуты, когда я понял, что можно не бояться прикосновений радости, даже если скоро придётся расстаться со всем. Это воспринималось как победа жизни над мрачной властью ожидаемой гибели» («Звезда», №2, 2005).

А Павел Иванович рассказывал: «В моей полевой сумке всегда находился небольшого формата томик Пушкина. Я его по настроению открывал, листал его страницы, чтобы насладиться стихами. . .»

В записных книжках Рожкова сорок второго — сорок четвёртого множество стихов: Пушкин, Лермонтов, Гейне, Саади, Некрасов. . . Выписки из фронтовых газет, в которых печатали стихи советских поэтов. Фрагменты философских, научных сочинений. Такое впечатление, что не в землянке человек сидит, а в читальном зале «Ленинки». Господи! Откуда? Я долго недоумевала — и вдруг поняла! Почти у каждого офицера в полку среди личных вещей было несколько книг, может быть, две-три — самых любимых, самых важных. . .

Служивцы обменивались ими, делились впечатлениями. Как ни парадоксально, но круг общения Рожкова на фронте почти не отличался от прежнего, московского, состоявшего из интеллигентов высочайшей пробы! Может быть, поэтому в военных дневниках командира-артиллериста — заботы, тревоги, размышления о настоящем и будущем, но ни тени пессимизма, ни единой попытки обвинить кого бы то ни было (кроме фашистов, конечно) в тяготах и ужасах всего происходящего.

Вновь убеждаюсь, что Павел Иванович и тогда, и впоследствии всю жизнь — был искренним коммунистом. Крестьянский сын, внук и правнук, он глубоко верил учению, которое давало людям надежду на светлое будущее для всех. Воспитанник русской науки и культуры, возвысивших его душу и укрепивших разум, он горячо любил Россию, за которую воевал. Вера, любовь, глубочайшее чувство высшей правоты нравственного закона, добытого потом и кровью предков, вселяли такую силу в подобных ему людей, что они потом годы и годы заряжали ею окружающих и почти нечеловеческими усилиями подняли страну из руин.

Вспоминая военные годы, Павел Иванович не раз говорил о том, что, как бы ни было трудно офицерам, основная тяжесть войны приходилась на рядовых. Офицер — в землянке, солдат — в окопе, первый удар принимает на себя. В холоде, в грязи, во вшах. . . «Тряхнёшь, бывало, гимнастёрку над костром — треск стоит». А жизнь солдатская на войне — как лист на ветру. Мгновение — и нету. Как-то, спеша на батарею, Рожков встретил в траншее двух солдат; они отдыхали, ели селёдку — один из них посылку получил с «большой земли». «Товарищ капитан! Попробуйте». — «Обязательно попробую, спасибо! На обратном пути». Возвращается — обоих уже нет. Убиты.

Павел Иванович всегда преклонялся перед солдатским подвигом, всё, что мог, старался сделать для личного состава, который отвечал своему командиру таким же тёплым, дружеским отношением.

В январе 1942 года войска Волховского фронта прорвали оборону противника на Любанском направлении. В районе Мясного Бора ширина прорыва составляла всего три-четыре километра. В эту «горловину» вошли соединения 2-й ударной армии и части 52-й и 59-й армий. А девятнадцатого марта «мышеловка» захлопнулась, и группировка оказалась в окружении, в «мешке», лишившись всех видов снабжения. Правда, к концу марта в осаде удалось пробить «коридор», по которому стали доставлять окружённым продовольствие, боеприпасы, фураж, понемногу вывозить раненых и больных. Только в мае Ставка разрешила вывести 2-ю армию из окружения! А шестого июня немцы окончательно перекрыли горловину «мешка». В окружении остались сотни советских

солдат и офицеров. Когда спустя две недели в районе Мясного Бора пробили «коридор» всего в триста-четыре метра, они выходили отдельными группами — по болотам и бездорожью — к своим. Любанская катастрофа произошла, как подчёркивает Рожков, из-за трусости и бездействия генерала Власова, который перешёл к немцам, изменив Родине. С сегодняшней точки зрения многое из происшедшего тогда выглядит гораздо более сложно и как минимум неоднозначно. О генерале Власове уже немало сказано — раскрыто фактов и придумано легенд. Не нам судить, насколько он был виноват в провале той Любанской операции. Но... переход на сторону врага во все времена расценивался как предательство. В данном случае предательство — налицо.

Десятого сентября 1942 года 374-я стрелковая дивизия и 942-й артиллерийский полк получили приказ выйти к Неве в районе Синявино, соединиться с войсками Ленинградского фронта и вместе с другими частями прорвать блокаду Ленинграда. Войска вновь углубились в расположение врага на девять-десять километров. И Любанская история повторилась! Воевать было нечем — не хватало боеприпасов, продовольствия, средств связи, люди гибли практически безоружными. Скоро наступление было остановлено, и наступающие войска полностью окружены. Двадцать восьмого сентября, выходя из окружения вместе с майором Чистяковым, Павел Рожков был ранен в спину, под лопатку. Сутки спустя, ночью двадцать девятого сентября, недалеко от села Гайтолово, ранен снова — осколочное ранение обеих ног. «Немецкий солдат, поднявшись на бруствер траншеи, бросил в меня гранату, — рассказывал Павел Иванович. — В этот момент я упал, на моё счастье, вперёд головой — на высокий ящик из-под снарядов крупного калибра. Большая часть осколков при взрыве гранаты отлетела вверх. Мелкие осколки вонзились в ящик и — в мои ноги, пробив голенища обоих сапог». Я видела эти осколки вместе с другими «артефактами», извлечёнными в госпиталях из тела Рожкова, — Павел Иванович хранил их в особой жестяной коробочке.

Дневник Рожкова лета-осени 1942 года прекрасно сохранился. И я приглашаю читателя вместе со мной перелистать его пожелтевшие странички (некоторые из них Павел Иванович сам успел «расшифровать» и даже отпечатать на пишущей машинке, остальные обрабатывала и набирала я). И так...

Дневник П. И. Рожкова

(август — сентябрь 1942 года)

«... Наш 942-й артиллерийский полк 374-й стрелковой дивизии с 12 по 25 июля 1942 года стоял лагерем около Третьего посёлка вблизи станции Гряды. Район сильно болотистый, много торфяников

с редкими небольшими островками берёзового леса. До войны здесь добыча торфа производилась машинным способом, теперь же работают только вручную, выкладывая нарезанный торф в штабеля. Работают женщины и девушки. Среди них молодая учительница. Она выделяется своим внешним видом и содержательным разговором. Школа не работает, и она вместе со всеми участвует в разработке торфа. Норма — 15 кубометров торфа на человека нарезать и выложить в штабель. Сухой торф — очень лёгкий, тёмно-коричневого цвета. Работа нелёгкая, но топливо нужно для жизни людей и промышленности.

25 августа в 13:05 полк поднят по тревоге. Быстро и довольно организованно приведены в готовность все подразделения полка, и через 30 минут колонна тронулась из района Третьего посёлка в направлении станции Большая Вишера. В 8:05 сделали привал на днёвку в 1 км севернее Луга. Полк разместился в красивом редком лесу с кустарником, метрах в 150 от главной дороги. В 20:20 после быстрого сбора походным порядком направились к Большой Вишере к месту погрузки.

26 августа в 11:47 вторым эшелоном отправились со станции Б. Вишера, начальник эшелона — капитан Емельяненко. Это высокий стройный молодой человек. Лицо у него симпатичное, приятное. Слюдьми строг, но вежлив и выдержан. Я — заместитель командира второго дивизиона, то есть помощник Емельяненко. Сбылось моё стремление стать строевым командиром. Несколько месяцев при всяком удобном случае я просил командира 942-го артполка майора А. Г. Фомина отпустить меня из штаба полка с должностью первого помощника начальника штаба — командиром батареи. Наконец-то Алексей Григорьевич внял моей просьбе, но поставить командиром батареи не согласился. Сказал, что ниже заместителя командира дивизиона не отпустит. Справились с погрузкой отменно хорошо. Наблюдать, как неторопливо, но дружно, слаженно наши земляки выполняют новую, непривычную для них работу, доставляет большое удовольствие. Какой славный, трудолюбивый, нетребовательный народ! День жаркий. Светит солнце, лёгкие белые облака кое-где движутся по небу. Жизнь проходит в движении. От Москвы — 500 км. От Ленинграда — 150. От ст. Окуловка свернули на север.

27 августа 1942 года проехали ст. Любытино, затем — по новой, недавно построенной железной дороге.

В 14:50 прибыли на станцию Неболчи. Новая дорога ещё кое-где не закончена строительством. Много работающих, на особо трудных участках работают железнодорожные воинские части.

Неболчи — небольшая станция. Мелкие деревянные постройки. Впервые вблизи станции встретил исключительно чистый, белый, мелкий кварцевый песок. Такой песок содержит не менее 96–97% кремнезёма и для стекольной промышленности, для металлургии является настоящим кладом. На песчаный карьер проведена узкоколейная железнодорожная ветка: видимо, песок добывался для местной стекольной промышленности.

Новая дорога Любятино — Неболчи построена во время войны. Дорога проходит по сплошным лесным зарослям. Стволы крупных деревьев стоят так близко от пути, что ветви этих деревьев легко достать руками из движущегося вагона. Почва на большем протяжении песчаная. Население Неболчи без видимого интереса относится к проходящим эшелонам. В разговор вступают неохотно, сказывается влияние близкого фронта.

В 18:10 тронулись на восток.

28 августа, 7:50. Прибыли на ст. Подборовье Северной железной дороги (недалеко от Тихвина). Круг девятимесячных скитаний по фронту замкнулся к моменту, когда мы выехали с Савёловской дороги на Северную. И дальше на запад.

29 августа (10:10) остановились на ст. Жихарево, в 80 км от ст. Ленинград. Здесь железная дорога в образцовом порядке. Поезда движутся быстро. Погода стоит на редкость благоприятная. По всей трассе ж/д ведутся ремонтные работы. Работают девушки, парни и подростки. Болото, снова болото. Немец обессилен, молчит. За время пути — ни одного фашистского самолёта, ни одного происшествия. Только вдали слышится канонада. К 14:00 полк сосредоточился 250 метрами южнее совхоза „Васильково“. Места красивые, но также болотистые. Населённые пункты частые, встречается население. Мы всего в 30 км от ст. Мга и приблизительно в 100 км по прямой от Чудова. Во время разгрузки произошёл воздушный бой между нашими истребителями и немецкими „мессерами“. Один наш самолёт загорелся и упал на землю в 2 км от нас. Лётчик выбросился с парашютом и остался жив. Ходят разговоры, что мы войдём в подчинение 8-й армии. Так ли будет?

31 августа прибыл первый эшелон дивизии — первый стрелковый полк. Полковник Ермаков указал ориентировочно район сосредоточения дивизии: Лаврово, в 9 км от нашей стоянки. Звуки канонады раздаются реже; и район станции, и прилегающую дорогу немцы обстреливают из дальнобойных орудий. Многие снаряды падают в болото, в рыхлую почву и не разрываются. Это тот редкий случай, когда болото в оценке людей, особенно военных, получает признательность. Пусть больше снарядов немецкой артиллерии попадает в болото. Изредка

„юнкерсы“ пролетают над нами. Целый день воздух — наш. Наши самолёты группами по 5–7 машин патрулируют в небе. Я окончательно перешёл в дивизион. Новые дела, новые люди. Жизнь в дивизионе заполнена интересной работой. Всё это мне по душе. Офицеры дивизиона встретили меня дружелюбно, отношения между ними простые, сердечные, часто раздаются весёлые шутки.

2 сентября. Никто из моих сверстников-однополчан не сделал заявления об открытии второго фронта. Все опасаются ошибиться и даже в шутку прогнозы не высказывают. А союзники всё ещё не готовы к наступлению. Дивизия сосредоточилась в районе 6–7 км южнее оз. Ладожское. Немцев здесь не было. Деревни целы. Поля засеяны. С утра слышится канонада. Идёт бой, но далеко. Вчера один „мессер“ сбил нашего морского истребителя. Лётчик выпрыгнул с парашютом удачно. Лётчик — молодой парень. На лице тревога. Жив, и это большое счастье. В дивизионе жить и работать много веселее. Люди хорошие, дружные...

4 сентября получен боевой приказ: дивизия передвигается в район Каменки (4 км юго-западнее Путилово). Полк в 22:00 начал марш. Проведено партийное собрание. Задача марша — двигаться только ночью. Марши помогают сколачивать людей. У нас, артиллеристов, люди редко бывают в строю. Поэтому в артиллерии работать на марше нужно неустанно. Надо достигнуть такой слаженности, чтобы на марше каждый боец в любой момент был боеспособен и полностью готов вести бой с противником.

Всего пройдено 25 км. Утром 5 сентября прибыли на место сосредоточения (6:30). Дорога была хорошая, и передвижение материальной части провели успешно. Авиация противника действует активно, бомбят главным образом дороги. Нашей авиации не видно. Мы совершили марш благополучно. Наша соседка, 191-я стрелковая дивизия, уже вступила в бой. До Ленинградского фронта на самом близком участке всего 6–8 км. Наши вошли в немецкую оборону клином. Немцы сопротивляются упорно, боятся окружения в районе Шлиссельбург, Липка, Дубровка. Перед маршем меня вызвали из дивизиона для работы начальником штаба полка вместо уехавшего на учёбу майора Маркса. На этом месте в штабе чувствую себя уверенно, ориентируюсь во всех делах. Работа зам. командира дивизиона проще, но для меня более интересна. Есть большая возможность заниматься, а мне нужно будет в ближайший месяц отработать основы артиллерийской стрельбы по наставлению.

8 сентября. Ждём боевой приказ. Сегодня в дело, в бой за город Ленина. Задача наша настолько

возвышенная, что каждый человек чувствует себя неловко оттого лишь, что мы стоим в резерве. Будем драться в составе 2-й ударной армии. Мы счастливы, что наконец снова в бой. Я уверен, что дела 2-й армии будут успешными. Я убеждён, что воевать нам следует ночью. Наши ночные атаки с группами отборных людей будут для немцев губительными. Подготовку к атакам проводить так: изучить передний край, выявить все огневые точки. Всё это представить на схеме с указанием расстояний от исходного рубежа. Такими схемами обеспечить всех до командира отделения. Ночная атака сильна внезапностью. При ночных атаках техника врага теряет своё боевое значение. Сегодня ухажу в дивизион, и вот снова получил возможность стажироваться на должности строевого командира. Это меня радует. Люблю простую солдатскую жизнь. Все дни и ночи исполнены делами. Надо смотреть за состоянием орудий, приборов, амуниции. Особенно много внимания требуют лошади. И всё же как-то грустно, жаль расставаться с Володей Яковкиным, Посниковым, Володей Елисеевым...

Приказано в 21:00 выступить в район Синявинских высот (оз. Синявинское) и принять боевой порядок. Действовать будем в составе 4-го гвардейского корпуса (генерал-майор Рогинский). Задача — прорваться к Неве, соединиться с войсками Ленинградского фронта. Задача важная, можно сказать, историческая. Первыми поздороваться с ленинградцами, открыть дорогу в город, слава которого так велика, что сказать не находится нужных слов. Наша дивизия входит в прорыв, уходящий на 12 км в глубь немецкой обороны, но до Ленинграда всего 4 км. Заманчиво. Правда, позиция наша чрезвычайно тяжёлая. Места заболоченные. А наше вклинение имеет форму мешка. Оба фланга открыты.

Утро 9-го было „оживлённым“. Раздавалась сплошная канонада от артиллерийских выстрелов и разрывов бомб. Воздух загажен фрицами — их „мессеры“ и „юнкерсы“ непрерывно контролируют дорогу. Выстрелы ружейные, автоматов, пулемётов аккомпанируют басистым голосам всех видов артиллерии. Ночью все спали в щелях. Просто и общедоступно устройство этих убежищ. Два метра длины, полметра глубины. Подстилается хвоя и собственные пуховики-шинели — и ложись спать, да как ещё хорошо спится после тяжёлого перехода и работ по рассредоточению и оборудованию батарей!

Получена задача — стрелковые полки тремя эшелонами прорываются на южный берег Невы, в район Дубровка — Московская. Наш артиллерийский полк с 445-м гаубичным артиллерийским полком поддерживает пехоту. Вчера во время движения вышел казус, предоставивший возможность

проверить себя. Колонна разорвалась. Остановившиеся повозки сбились в кучу, повозочные стояли, не зная куда ехать. Я выехал на боковую дорогу и долго ездил, меняя направление. Но хорошо накатанной дороги не находил. И никого не встречал. Это меня насторожило. Уже в этом почувствовал угрозу. Останавливался, снова ездил в разных направлениях, отыскивая дорогу с металлическими опорами линий высокого напряжения. Опасность реальная попасть к немцам, так как в 2–3 км передний край обороны противника — большими изгибами. Можно приехать прямо в гости к немцам. Много разных невесёлых мыслей рождалось в голове. Часто останавливался в раздумье. Мне более всего не хотелось конфузиться перед своими командирами. Ездил долго, часто спрашивал у встречных. Снова выехал к деревне Новая и от неё пошёл искать направление, по которому прошла полковая колонна. Новое моё путешествие было веселее. Шли сплошные колонны стрелков 23-й бригады. Никогда раньше не видел так много людей, движущихся на фронт. Вначале я отыскал штаб дивизии (Фомин, Горожанин), а затем получил приказание комдива, поехал обратно и скоро встретил полк. Когда блудил — чёрные мысли бродили в мозгу, и думал, как станет радостно, когда увижу свой дивизион. Однако этого чувства не испытал. Видимо, заботы и нахлынувшие дела вытеснили чувство радости, которое неизбежно должно было появиться. За время своих блужданий много раз обнаруживал места со складскими запахами войны.

10 сентября всё утро и день бьёт наша артиллерия. В ответ раздаются отдельные выстрелы фрицев, но зато слышатся с их стороны сплошные потоки kloкочущих автоматов. Идёт наступление. Наши рвутся к Неве. Чтобы гулять по Невскому, надо пройти Неву. За Невой наши войска.

11 сентября. Живу на огневых позициях 2-го дивизиона. Все батареи расположены рядом в линию. Крупный недостаток имеет такой боевой порядок. Немец точно засёк наши позиции и ведёт частые обстрелы. Снарядов не жалеет. Мы имеем потери людьми и орудиями. Только что вернулся из расположения тылов дивизиона. Ходил туда по делам снабжения боеприпасами. Продовольствия почти нет нигде. Передо мной при движении в одну и другую сторону дорога подвергалась обстрелу. На обратном пути меня остановили крики людей, лежащих в кюветах. Это оказались раненые. Люди и повозки с людьми движутся, не обращая внимания на мольбы о помощи. Угрожая пистолетом, я остановил трёх бойцов, несущих обед. Стали смотреть раненых. Темно. Ночь тёмная, хмурая. Только осветительные ракеты немцев помогают различать лежащих людей. Бинтов никто не имеет.

Значит, оказать помощь невозможно. Только одному миномётчику, который усердно убеждал меня, что он полезный работник для государства, что он за короткое время уничтожил много немцев, я наложил повязку на бедро правой ноги его же полотенцем. А затем остановил повозки и, угрожая пистолетом, заставил принять раненых. За время, пока всё это было закончено, люди, которых я силою оружия заставил оказать помощь своим же товарищам, беспрекословно и, я бы сказал, охотно и внимательно выполняли мои приказания. Возвратился к себе, в маленькую уютную землянку. Здесь живёт со мной мой адъютант боец Ширин. Освещаясь лампой „фронтальной луч“. Сегодня дважды с Шириным попали под обстрел. Лежишь на мокрой земле—состояние интересное... лежишь вниз лицом и определяешь, далеко или близко разрывы, и вместе с тем наблюдаешь за собой, за своими действиями—любопытно. Поднимать голову от земли запрещает какое-то внутреннее чувство. Это не страх. Я совершенно спокоен и веду деловой разговор с Шириным.

13 сентября. Вчера наши позиции четыре раза обстреливались артиллерией противника и один раз подверглись бомбёжке. В 6-й батарее жертвы. Весь лес и вся земля вокруг избиты и исковерканы. Пройти к батареям трудно. Вечером сидел с комиссарами (бат. ком. Топин, ст. политрук Рыбаков), рассуждали об исходе этой Невской операции. Я уверен в успехе. Топин, мотивируя стратегией и тактикой, предрешает неудачу. Рыбаков, как и я прежде, высказывался за внезапное окончание войны. В газетах нас кратко называют „волховские“. Это название войдёт в историю Отечественной войны. Освещаясь „фронтальной лучом“, сидел до 24:00. Читал „Дневник партизанских действий“ Дениса Давыдова. Давыдов был адъютантом Баграциона пять лет.

Сегодня 15 сентября. Но у меня ещё свежо в памяти 13. Хочется кратко ещё описать. Утро 13 было спокойное. Слышались отдельные выстрелы, да одиночные „мессеры“ прорезали небо в разных направлениях. Я обошёл огневые 5-й и 6-й батареи, шёл в направлении 4-й—увидел и услышал три фрицевских бомбардировщика. Они шли на восток и в районе моста на р. Чёрная начали бомбить. Большими пачками они сбрасывали бомбы с небольшой высоты. Наши зенитчики открыли интенсивный огонь. Шум от разрывов бомб и от разрыва снарядов зенитчиков и снарядов и мин начавшегося обстрела сливались воедино. Казалось, сам воздух гудел. Я продолжал идти по разбитому лесу, изредка поглядывая на бомбардировщики. Вдруг один из них резко снизился, а на левом крыле появилось пламя. Самолёт на снижение шёл на запад, набирая скорость, но пламя

не уменьшалось. Вокруг самолёта появилось несколько „мессеров“. Через несколько минут один лётчик выбросился и сразу же раскрыл парашют. Как позднее выяснилось, „мессеры“ с воздуха, а наши солдаты с земли усиленно обстреляли парашютиста, и он мёртвым упал на землю. Горящий самолёт пролетел прямо надо мной (я даже опасался, что он грохнет рядом со мной), всё ещё имея порядочную скорость. Наконец, показался ещё один лётчик, раскрывший немедленно свой парашют. Так как он спрыгнул близко от меня, я бросился бежать на 4-ю батарею, чтобы взять там людей—оцепить лес. Оглянувшись на бегу, увидел, что из почти падающего самолёта выбросилось ещё одно чёрное тело—видимо, это был лётчик, но его парашют не раскрылся. Самолёт упал в 1,5 км от меня, и чёрные клубы дыма обозначили место его приземления. С четырьмя бойцами я бросился бежать к месту падения, но, встретив такую же группу „истребителей“, узнал, что лётчика поймали, и вернулся.

После 12:00 пошёл в расположение тылов—там побрился, пообедал, а затем с Шириным пошёл к себе по шоссе. Вдоль этого шоссе в мирное время шла линия высокого напряжения из Волхова в Ленинград—теперь же об этом говорят кое-где уцелевшие опоры их ажурной конструкции. Вскоре левая обочина шоссе стала обстреливаться противником. Чухающие мины ложились недалеко от шоссе в мелком рубленном леске. Я вынужден был свернуть вправо и пошёл по тропе. Однако едва успел выйти на дорогу, ведущую к ОП, появились три бомбовоза, повторяющие наш курс. Наши глаза нацелены на фигуры машин, зорко следят за их движением. Не долетая до нас, все машины сбросили бомбы. Казалось, все бомбы лягут на нас. Мгновенно плотно прижавшись к земле, мы попадали в грязь. Звенящий свист, раскатистый треск бомб, глыбы земли—меня слегка качнуло. Краем глаза посмотрел назад—метрах в 20–25 легли ближние от нас бомбы. Выскочив из грязи, мы побежали к деревянному настилу... Справа впереди раздались разрывы мин—дорога под обстрелом. Мой народ начал паниковать—предлагают бежать в лес. Что пользы, неразумные люди?! Немного свернув с дороги—пошли напрямую к 4-й батарее. Под бомбёжкой. С трудом продвигаясь по завалам леса. Только выбрались на чистую полянку—впереди на небольшой высоте показались ещё три бомбардировщика, идущие снова на цель. Прыжком в воронку, наполовину заполненную водой, и вдавили свои тела в глинистую массу всем своим весом. И на этот раз прошло счастливо—бомбы легли где-то слева впереди.

Наконец-то дома, на огневых позициях дивизиона. К людям вернулось их обычное спокойствие. И почему бы? Разве маленькая землянка с двумя накатами брёвен гарантирует от бомб

и снарядов? Конечно, нет. Привычка человека, что он находится там, где все остальные товарищи, определяет душевное равновесие. Я замечал, что люди легко переносят потерю товарища, если он убит или ранен около орудия, где все вместе заняты боевой работой.

На этом день не закончился. Вскоре появились бомбардировщики и с двух заходов спустили бомбы на 6-ю батарею. Через 30 минут я узнал, что два человека погибли и одна гаубица выведена из строя. Пройдя на батарею, увидел безотрадную картину. Всё изрыто — люди, орудия, трава. Бойцы торопливо носят тела своих боевых товарищей. Что написано на их лицах, прочесть трудно, но прежде всего слышится в таких случаях: погоди! мы с тобой рассчитаемся за всех. Вернувшись к себе в блиндаж, перекусил и стал читать мелкие книжонки о нынешней войне. Но недолго длилось спокойствие. Вдруг шквальным огнём противник обрушился на нас: вой мин, свист снарядов, гром разрывов — выстрелы, выстрелы и выстрелы.

Валятся деревья, подбитые осколками, стонет земля. Люди, как кроты, забрались в свои щели, надо уцелеть, никто не желает смотреть на эту чудовищную картину. Я впервые испытал такой длительный обстрел, начавшийся в 15:30 и закончившийся в 19:35. Воздух густо насытился ядовитым дымом, а спустившийся туман придавил его к земле. Видимость ничтожная, едва различаю свою землянку от землянки комиссаров, расположенной в 6–8 метрах от моей. Поговорили с Рыбаковым о бренности жизни. Наступила тишина, только удушливый дым долго ещё не рассеивался. Да, действительно наступила тишина. Такая странная вечерняя тишина. Вдруг раздалось пение маленькой птички, беззаботно прыгающей с ветки на ветку соседнего дерева. Для неё война ничто. Смерть для неё почти нереальна. Она так мала, что осколки её не тронут. Весь вечер читал и держал связь по телефону с КП дивизиона.

14-е прошло спокойнее. Только в 4-м батальоне осколками мины и орудия серьёзно ранены 4 человека. Вечером сидел один, топил печь и при её свете читал.

15 сентября. Утром я долго спал. Подниматься не хотелось, к тому же выходить нельзя — бомбят и бомбят. В три часа особенно сильно бомбили участок в 1 км восточнее наших огневых позиций. Заход сделали более тридцати самолётов. В батареях получили письма. Жду и я. Ширин с радостной улыбкой подаёт и мою почту. Получил шесть писем.

19 сентября. Третий день без авиации. Артиллерийский обстрел не так тревожит людей, поэтому бойцы и командиры чаще появляются на открытом

воздухе. Можно ходить по земле, дышать свежим воздухом, заполненным сильными осенними запахами. Большая тяжесть лежит на сердце. Из головы не выходит мысль о доме, отце, матери и сёстрах. Писать никому не могу. Хотя бы получить письмо от Нины или от товарищей. Занятия по артиллерии идут, но не так, как хочется. Успех мал. Командир полка торопит. В штабе некому работать.

22 сентября. Дома все здоровы. Теперь мне легче на душе, спокойнее. Занимаюсь. Читаю только по артиллерии и по артиллерийскому стрелковому делу. Слежу за газетами. Наше Синявино не фигурирует более в сводках Совинформбюро. Сегодня резко похолодало. Осень полным голосом заявляет о своих правах. Снова появилась авиация. Усиленно бомбят всё тот же мост. Имеем жертвы. Артиллерийский обстрел повторялся несколько раз. Много крупнокалиберных снарядов противника не взрываются. Насчитал подряд 17 невзорвавшихся. Но они так сильно ударяют в землю, что в землянке всё подпрыгивает.

23 сентября. Вчера минуло 15 месяцев кровопролитной войны. Но горизонт ещё слишком грозен, и смотреть на него, угадывая в приближающихся теньях окончание войны, никто не решается. Все за продолжение войны. Враг силён и до нахальства дерзок. Он строит свою нынешнюю „победу“ на аферистских комбинациях. Наши союзники этому не верят и, видя ещё грозного врага, ждут, чтобы в час перелома его сил нанести удар своим мощным кулаком. В технике и организации производства американская деловитость и солидность импонирует многим. Но излишняя расчётливость в ведении войны и бесконечная медлительность приводит к тому, что фашистский зверь измывается над человечеством всего мира и больше того — угрожает всем, опираясь на ложь своих же пропагандистских органов, восхваляя свою неиссякаемую мощь. Чем больше будут медлить американцы и англичане, тем больше и дольше будет литься кровь их граждан. Записывая эти строки, я немного отвлёкся от действительности и совсем не слышу, не ощущаю взрывов авиабомб, мин и снарядов, непрерывно содрогающих землю. Между тем барабанные перепонки всё время колеблются, тишина становится менее привычной, чем постоянный гром. Осколки мин и снарядов непрерывно стучат о стволы немногих оставшихся деревьев. Обрубки их собратьев бесформенными кучами разбросаны по изрытой земле. Один осколок попал в мою землянку. Выйти сейчас из землянки равносильно тому, чтобы приставить к виску пистолет и выстрелить. Результат будет один. Разрывы продвинулись вглубь. Но земля всё так же стонет. Все эти дни читаю по артиллерийскому делу. Дело подвигается. Но обстановка

для работы тяжёлая. Мой кабинет—без стола, без света. Большая яма с несложным перекрытием.

24 сентября. Сегодня тот день, о котором наши враги заявляли: „Окончательно окружим!“ Так это или не так, окружили они нас или нет, но пока сообщение с тылами прервано, и четыре дня не подвозят продовольствие и боеприпасы. Почту не получаем тоже четвёртый день. Наши сведения о мире не двинулись дальше того, что мы прочли в „Правде“ за 16 сентября. Состояние нелепое. Никогда не испытывал такой оторванности от мира. Именно сейчас больше, чем когда угодно, все стремятся прочитать свежую газету. Интерес к информации колоссальный. Что-то со Сталинградом? Пытался группу бойцов во главе с мл. лейтенантом Копленко отправить в тыл за продуктами. Проводил их километра четыре от огневых позиций. Дорогой учил, как подсказывали совесть и знания, как нужно двигаться по территории, „засоренной“ автоматчиками противника. Место, где я с ними простился, наверное, самое опасное из всего нашего „мешка“. Снаряды туда летят непрерывно, сильный прострел автоматчиков и сверху того ежедневная обработка с воздуха. Бомбы своими следами превратили лесные поляны в чудовищные пустыни, напоминающие безлюдные долины на Луне. От соснового леса, ещё 10 дней назад стоявшего здесь сплошным массивом, теперь остались только иссечённые обрубки да голые причудливой формы пни. Жизни в таком лесу нет. Вечером произвели с Шириным ревизию продуктов и установили режим. Оставшиеся продукты надо растянуть на четыре дня. Но получим ли мы продовольствие через четыре дня?

26 сентября. Вчера отправлял вторую группу во главе с мл. лейтенантом Гиренко— в том же направлении и с той же боевой задачей. Прошли за Чёрную речку и встретили наши части, занимающие оборону фронта на восток. Гиренко задержали и отправили обратно, но он успел в двух местах „пощупать“ засевшего в лесу „фрица“ и говорит: встретил сильный автоматный огневой ответ. Сегодня Гиренко предпринял небольшую экспедицию, чтобы выяснить, проходима ли ближайшая просека к северу от нас. Оказалось, что немцы подошли вплотную к западному берегу Чёрной речки и заняли блиндажи, в которых когда-то держали оборону на восток. Теперь же, выгнав наших из этих блиндажей частой бомбардировкой, используют их для борьбы на западном направлении. Наших частей в том районе много. Среди них— санитарная рота одного из стрелковых полков. Там много раненых. Кормить их нечем. Продукты кончились пять дней назад. Раненые бойцы с наступлением темноты блуждают по лесу в поисках пищи. Немецкие автоматчики

устраивают охоту на измученных людей. Говорят, что наши самолёты сбрасывали продукты. Нам бы такое счастье! Вчера имел полтора сухаря, за ужином— пшённую кашу. Утром и в обед— по кружке кипячёной воды. Сегодня режим круче, но есть один сухарь. Половину съел утром с остатками каши, вторую— вечером с небольшой порцией пшеничного супа. Получил боевое распоряжение об организации оборонных укреплений. Собрал заместителей командиров батарей и комиссаров, прошёл с ними по батареям, указал места, где ставить сооружения. Как хочется получить почту! Что делается на белом свете?

28 сентября. Прошлая ночь принесла большую неожиданность. Поступил приказ оттянуть боевые позиции дивизиона на километр-полтора восточнее прежнего района. Оказывается, всё это связано с общим оттягиванием боевых порядков. Пехота занимает боевой порядок в районе наших наблюдательных пунктов, то есть оттянулась почти на полтора километра. Чем всё это вызвано? Связи с тылом всё ещё нет. Продовольствие в ограниченных количествах подкидывают с самолётов. Получили на два дня по 138 граммов сухарей, 200 граммов мясных консервов, 50 граммов муки, 8 граммов комбиджира и приблизительно 150 граммов крупы. Народ держится стойко. Ни слова об опасности. Работают с величайшим усердием, с полным напряжением сил. Всю ночь перетаскивали орудия, преимущественно на руках. Достал пять обозных лошадей. Стало немного легче. Но бездорожье, несъезженность и слабость лошадей, предельная усталость людей тормозили дело. Погода благоприятствовала. Ночь светлая и тихая. Утро туманное. Только вода и грязь мешали... По радио узнал, что положение на фронтах— прежнее. Моздок и западнее Сталинграда. Учёба моя остановилась. Теперь только работа. День и ночь были, безусловно, счастливыми. Я знаю, что это моё крылатое счастье. Ночью были такие случаи, когда у одного орудия скапливалось по 40–50 человек. Стоя на возвышенности, я с ужасом думал, что будет, если сюда прилетит хоть одна мина, не говоря уже о большом огневом налёте. У немцев есть „ванюша“— шестиствольный миномёт. Снаряды его бьют подобно нашей „катюше“. Наступающая ночь сулит ещё большие трудности.

7 октября. Сегодня моя первая годовщина пребывания в артиллерийском полку. Год назад инженер Р., одетый со всей тщательностью русского интеллигента, появился в штабе дивизии, вызывая немалое удивление военных. Теперь я сам удивился бы немало, увидев такого человека. Год войны сделал из меня начальника штаба артиллерийского полка. Всё же своё родное дело— металлургию— вспоминаю очень часто. Скорей бы. Всё-таки я

удивительно спокоен. Везу свой воз исправно. Каждый день собираюсь записать кое-что о днях, проведённых в окружении. Больше того — о выходе из этого проклятого места.

Да, теперь в моей биографии появилось новое и необычное. Я был в окружении в районе Синявино. Утром 29-го наши орудия оказались на дороге, перетащить их на огневые позиции не хватило сил. Единственным выходом оставалось стащить орудия с дороги, замаскировать их, а людям дать отдых. В течение дня и вечером поступали разные приказания, отменяющие одно другое. Ясности в обстановке не было, поэтому не могло быть ясности и в действиях. Около 22-х часов меня, Бондаренко и Топина вызвал командир полка. В землянке сидели майор Чистяков, подполковник Фомин, батальонный комиссар Рабинович, капитан Емельяненко. Поставили задачу: своими силами выкатывать орудия на шоссе, а затем прямым ходом через Чёрную речку выходить в район Новой. То есть орудия нужно было силами людей прокатить по шоссе около 10 км! Дано указание действовать так, чтобы ни одно орудие, ни одна винтовка, ни один оптический прибор не достались врагу — всё должно быть разрушено. Чувство, охватившее меня в этот момент, передать невозможно. Мне стало ясно одно: мы отрезаны от тылов, то есть полностью окружены. Дана команда спасать материальную часть, но в успехе этого мероприятия никто не уверен. Все ясно поняли, что без попытки спасти её уйти нельзя, но спасти невозможно. Наши люди очень бережливы, бросить что-нибудь трудно... вот только беречь жизнь, беречь людей мы не умеем. Все трое вышли из землянки командира, взволнованные суровой новизной предстоящего. Прощаясь с Фоминым, мы крепко пожали друг другу руки, внимательно посмотрев в глаза. Когда мы стояли втроем под звёздным небом, я всё думал, что Фомин опытный всех, его голос должен быть решающим...»

Павлу Ивановичу так и не удалось осуществить своё намерение и подробно описать, как они с Чистяковым выходили из окружения. Сохранились разрозненные фрагменты записей, где он вспоминает о своих сослуживцах. Отдельные эпизоды тех драматических событий вспыхивают среди размеренного, спокойного повествования яркими пятнами, как бы высвечивая общую картину. Под Синявино Рожков командовал дивизионом, а помощником начальника штаба 942-го артполка был тогда В. А. Елисеев, бывший директор норильской школы, единственной в то время в заполярном городе. Когда окончательно выяснилось, что надо своими силами прорываться из окружения, Елисеев, как сообщает Рожков, «принял все необходимые меры, чтобы спасти знамя полка и штабную секретную документацию». Часть бумаг

была просто уничтожена. Остальные Елисеев сложил в свой вешмешок, выбросив из него все личные вещи. Знамя полка он снял с дровка, а затем, сбросив гимнастёрку, обмотал полотном знамени собственное тело. Сверху — гимнастёрка, телогрейка, ремни, личное оружие. В левом кармане гимнастёрки, ближе к сердцу, по фронтовой традиции — партбилет и офицерское удостоверение. И — на восток, вплавь через Чёрную речку, через топи и болота. С Елисеевым было трое или четверо солдат. По дороге к ним присоединились ещё несколько человек. Среди них — восемнадцатилетний Василий Черкашин, который уже после войны, переписываясь с Павлом Ивановичем, вспоминал, как, выходя из окружения, наткнулся в камышах на артиллерийского капитана... Фамилии его Черкашин не запомнил, но очень хорошо запомнил, как артиллерист наставлял солдат, что делать в случае, если его убьют. Речь шла о знамени полка и документах, которые нужно было обязательно доставить командиру 374-й стрелковой дивизии. К счастью, всё обошлось благополучно. Группа Елисеева вышла из окружения. А за спасение чести полка капитан Елисеев был награждён медалью «За отвагу». Приведу фрагмент рукописи Павла Ивановича, посвящённый Елисееву. На мой взгляд, он особенно точен по стилю и отменно передаёт психологическое состояние офицеров, ставших заложниками синявинской трагедии:

«Капитан Елисеев имел при себе честь полка в виде знамени полка и штабных документов и личную честь в виде партийного билета и офицерского удостоверения, которые, как и я, всегда держал в левом кармане гимнастёрки. Ни он, ни я не задумывались над тем, что будет с нами. Если бы мы попали в плен к немцам и при обыске были бы найдены партийные билеты, а у него, у Елисеева, знамя полка и секретные документы штаба полка!.. в этой сложной обстановке некоторые слабовольные люди теряли присутствие духа, закапывали свои партбилеты в землю, и, конечно, найти их уже не могли — из окружения выходили беспартийными».

В середине октября 1942 года 374-я стрелковая дивизия отправляется в тыл. Несколько дней войска стоят у станции Жихарево. Павел записывает в дневнике: «Мы ещё не уехали. Нет порожняка. Живём в приличном домике в деревеньке Саракассы. После землянки и наших избушек этот домик кажется раем. Война далеко, только отдалённый гул артиллерийской канонады напоминает о том, что она идёт. Самолётов не видно. Только сейчас появился один „фриц“, да и тот немедленно скрылся. В 22:00 16 октября эшелон №16905 тронулся наконец на восток. Синявинская эпопея для нас закончилась. Круг замкнулся. Прибыли на станцию Жихарево 29 августа, а закончили жизнь в этом районе 16 октября. Всего месяц и 19 дней.

Но сколько грозных событий пришлось пережить и испытать незабываемых чувств! Едем на восток. Видимо, предстоит отдых».

К сведению читателя

К августу 1942 года Волховский и Ленинградский фронты разделяло лишь шестнадцатикилометровое пространство, занятое и укрепленное противником. В середине августа 1942 началась наступательная операция Красной армии по деблокаде города Ленина Ленинградским фронтом и двадцать седьмого августа 1942 года — Волховским фронтом.

В августе-сентябре 1942 года войска двух фронтов обескренули ударную группировку, предназначенную для штурма Ленинграда, и значительно подорвали её наступательные возможности. К исходу второго дня соединения Волховского фронта подошли к посёлку и железнодорожной станции Синявино. Четвёртого сентября 1942 года генерал Манштейн, только что прибывший под Ленинград, получил приказ Гитлера взять на себя командование 366-м пехотным полком. Восьмого сентября 1942 года в районе Невской Дубровки и деревни Анненское встречный удар нанесла Невская оперативная группа Ленинградского фронта. Форсирование Невы — полноводной реки с быстрым течением — разворачивалось необычайно трудно. Были удачными действия войск Ленинградского фронта в районе Невской Дубровки, где удалось вернуть ранее утраченный в ходе весеннего ледохода 1942 года «Невский пятак». Двадцать первого сентября 1942 года немцы, завершив перегруппировку прибывших дивизий, начали контрнаступление с самыми решительными целями. Удары наносились с севера и юга, чтобы отрезать вклинившиеся войска Волховского фронта прямо у основания клина, а затем рассечь и уничтожить окружённые группировки советских войск по частям. Тридцатого сентября 1942 года окружённые советские части предпринимают последнюю попытку прорвать окружение. После отражения этих атак немцы окончательно сжимают клещи и соединяются на берегах реки Чёрная. Тем не менее отдельные группы советских войск всё ещё держались в труднодоступной болотистой местности до второго октября 1942 года. Попытки выручить окружённые войска предпринимались советской стороной вплоть до первого октября, однако все они закончились безуспешно. Пятнадцатого октября 1942 года после сильной артподготовки оставшиеся части Волховского фронта отбрасывают свои войска на позиции, которые они занимали до начала Синявинской операции. На этом сражение в Синявинских болотах закончилось.

«...Для прорыва обороны Ленинграда надо было захватить Синявино. Это проклятое Синявино советские войска штурмовали с сентября

1941-го до января 1942 года. Кости советских солдат там лежали пирамидами. Это я не для красного словца. Термин „Синявинские высоты“ во время войны приобрёл новый смысл. Раньше под этим понимали возвышенную местность, а во время войны — груды тел советских солдат. После войны некоторых похоронили. Но не всех. У нас всё просто — потери считать по числу похороненных. А те, которых не похоронили? Те не считаются. Те из статистики выпали. Так мы военную историю и изучали. Мне в Военно-дипломатической академии Советской Армии объясняли: в районе Синявино обошлись почти без потерь. Там положили тысяч сто, не больше. Пропорционально числу убитых там должно было быть тысяч триста-четырееста раненых и искалеченных... Синявинские высоты наши войска штурмовали и в 1941-м, и в 42-м, и в 43-м. Здесь была прорвана блокада Ленинграда. Поэтому погибших немерено — хотя официально захоронены 128 390 бойцов и командиров. Нужно помнить, что хоронили тех, кто поперёк дороги лежал. А до тех, кто в кустах да канавках, руки не доходили. Их не хоронили, а потому в статистике и не учитывали. Вот потому и выходит, что потеря там почти не было. Всего только 128 тысяч убитых» (Виктор Суворов, «Тень победы», часть вторая, глава тридцатая).

«Моё крылатое счастье...»

Из личного архива П. И. Рожкова

«...Наши позиции разделялись большой широкой полосой, где протекала речка Полисть с низкими ровными берегами, покрытыми травой и кустарником. Однажды, возвращаясь с задания на свой КП, я встретил на берегу Полисти начальника штаба дивизии А. Банифатьева, который в сопровождении нескольких офицеров быстро шёл по берегу. Я вернулся в штаб полка, доложил Фомину о выполненном поручении. Во время нашего разговора Фомина попросили к телефону. Он был очень огорчён услышанным. Ему сообщили, что полковник Банифатьев попал под артобстрел и был смертельно ранен. Это была огромная потеря для дивизии и всей армии. Спустя некоторое время исполнение обязанностей начальника штаба дивизии было возложено на подполковника Антонова, с которым мне приходилось встречаться, когда я был назначен командиром 942-го артполка.

...Штабной блиндаж был расположен на берегу ручейка с редкими кустарниками и небольшими деревьями. Ручей впадал в речку Полисть. По берегу ручья в низине росли ландыши. Много крупных цветов. Мы их не рвали, просто любовались. Я там впервые в жизни увидел ландыши, и они так глубоко запали мне в душу, что и сейчас, закрыв глаза, вижу эту полянку на бережку тихого ручейка...

...Гавриил Романович Державин — замечательный русский поэт восемнадцатого века, по сути дела — первый русский Поэт! Он родился 3 июля 1743 года в деревне под Казанью. Выйдя при Александре Первом в отставку, Державин поселился на берегу Волхова, в деревне Званка. Это та самая Званка, где в 1942 году немецко-фашистские войска на высоком берегу реки прямо в самой деревне создали укрепленный район...

...На фронте и такое бывало: перед маршем нашего артиллерийского полка, который должен был войти в прорыв обороны немцев в районе Синявино, дивизион под моим командованием был сосредоточен в небольшой роще смешанного леса. Над нами в небе появилась эскадрилья немецких самолётов, направляющихся в тыл советских войск. Дивизия русских зенитных орудий занимала позиции неподалёку от места расположения нашего полка. Когда зенитчики открыли огонь по самолётам противника, я с группой офицеров вышел на открытую площадку, и мы стали наблюдать за разрывами снарядов. Внезапно большой осколок зенитного снаряда со свистом пролетел вниз вдоль моей спины и вонзился в землю позади, у самых каблучков моих сапог. Углубление от осколка выглядело ровным шрамом на влажной, покрытой травой земле. Выходит, что я случайно выбрал место, где в это время находиться было безопасно! Если бы я сместился назад на 5–10 см, осколок нанёс бы смертельный удар в мою голову.

...У ленинградского поэта В. Рождественского есть стихотворные строки:

Они забудутся не скоро,
Сраженья у Мясного Бора,
У Спасской Полисти и Званки
На безымянном полустанке...»⁴

«...2-я ударная армия вела активные боевые действия в районе Мясного Бора в период с января по июнь 1942-го года и тем оттянула непосредственно на себя 16 немецких дивизий. В настоящее время совершенно очевидно, что 2-я ударная армия, несмотря на её поражение, в труднейшее для страны время спасла Ленинград. В это время, как стало известно из немецких источников, фашистские армии готовились к последнему, решающему штурму города. Вот в это-то время и началось наступление Волховского фронта.

.....
Из военного дневника П. И. Рожкова.

Из записной книжки П. И. Рожкова, 1980-е годы.

Из записной книжки П. И. Рожкова. Н. П. Рожкова рассказывала, как тепло Павел Иванович всегда вспоминал об Алексее Антонове, который был искренне, по-братски привязан к своему командиру. Когда Рожков лежал в госпитале в Тихвине, ординарец приводил к нему под окошко его любимую лошадь по кличке Светлана — повидаться (М. С.).

Вдоль узкоколейки, не сумев вывести из окружения, командование оставило 12 тысяч раненых солдат и офицеров»⁵.

«...8 марта 2003 года. Говорил по телефону с Алёшей Антоновым, моим лучшим другом, ординарцем моим, когда я командовал 942-м Рижским артиллерийским полком 374-й Любанской стрелковой дивизии Волховского фронта. Прекрасный, дивный, умный, способный ординарец был. Расстались с ним в Ленинграде, где я был в запасном полку в ожидании нового назначения. Я получил назначение и уехал в действующую армию. А Алексей был назначен командиром 76-миллиметрового орудия. Он остался жив. А ординарец и радист, которые были рядом со мной на командном пункте в Староселье на берегу реки Великая, погибли при обстреле нашей позиции артиллерией противника, расположенной на противоположном берегу»⁶.

3. Военные пути-дороги

В двадцатых числах октября дивизия — на отдых и комплектование — разместилась в Калинин. Здесь Павел Рожков приказом по армии был утверждён в должности начальника штаба 942-го артиллерийского полка, которую фактически принял во время выхода из окружения. Он по-прежнему много работает и скрупулёзно ведёт записи, благодаря которым теперь можно более или менее точно восстановить его служебную жизнь (личная — в дневниках почти не отразилась, и лишь по единичным, усердно «вымаранным» фразам можно догадаться, что она была! что Павел не только воевал, а тяжело переживал разлуку с родными, с оставленной дома семьёй... хотя вполне возможно, что «личные» странички дневника по разным причинам позднее были самим Рожковым из него изъяты... Что ж! это право моего героя — не пускать в свою интимную жизнь посторонних!). В Калинин впервые за всю войну началось более или менее обстоятельное оснащение полка. Прибывают новые лошадки — низкорослые невзрачные «монголы» и чуть ли не персидские скакуны! Да что лошадки! Полк получает пятнадцать автомобилей!!! В конце января Павел записывает: «Формирование закончено полностью. Никто раньше не предполагал таких результатов и лучшего ожидать не мог. У нас 100% личного состава, материальная часть по штату... Причём всё новое, только что с завода. Вместо тракторов получили автомашины ЗИС-42 на гусеничном ходу. Полк имеет очень серьёзный вид и обладает внушительной огневой силой. Об одном приходится сожалеть: нет времени на обучение людей. Подбор командного состава на этот раз слабее. Выучка командиров батарей — скоротечная. Придётся учить стрелять на фронте».

Двадцать пятого января эшелон №30122 отправляется из Калинина на Ленинград. На фронт

возвращались прежней дорогой: Лабутинская, Неболчи, Хвойная, Подборовье.

Дневник П. И. Рожкова

(февраль 1943 года)

«5 февраля. 4:00. Записываю эти строки в вагоне. Все выгрузились, мы с командиром полка стоим в опустевшем вагоне. Ждём доклада об окончании разгрузки. Станция Глажево—новый пункт в длинной цепи наших военных дорог. Готовимся к боям. Я уверен в успехе на этом участке фронта. Мы впишем хорошую страницу в историю войны и этим положим начало настоящей боевой истории полка. До Ладожского озера—30 км, до Войбалы—около 15.

6 февраля. Мы вошли в состав 54-й армии. С 24:00 движемся дальше к фронту. Совинформбюро доставляет много радостей. Наши войска на юге творят чудеса, бьют немцев. У Сталинграда взяты в плен 24 генерала, среди них фельдмаршал Паулюс. Более всего меня удивило, что среди тыловых организаций немцев имеется совсем не обычная для армии строительная организация Тотта. Становится понятной удивительная подвижность немцев в создании инженерно-фортификационных сооружений.

11 февраля. 6:00. Неизвестный лес в 12 км восточнее Любани. Прибыли сюда 9 февраля—и с тех пор круглыми сутками сижу, разрабатываю документы, планирую огонь дивизионов, управляю, воюю. Наш полк временно придан 281-й стрелковой дивизии, которой поставлена задача овладеть населённым пунктом Басино и дальше, выйдя на рубеж ручья Светречено, развивать наступление. Вчера в 10:05 начали артподготовку, а в 11:30 пехота пошла в атаку. Однако успеха нет. Досадно. Ещё нигде нам не удавалось сделать что-то полезное для Родины...

12 февраля. Сегодня третий день боя за Басино. Наша пехота на прежних рубежах. Продвижения нет. Вчера артиллерия совершила колоссальную работу, выпущено 1800 снарядов. Авиация работала также усиленно и в невиданном до сих пор масштабе. Только «царица полей» как залегла, так и продолжала лежать. Раненых очень много. Мы потеряли лейтенанта Буняева, добродушного весельчака. Получили ранения подполковник Чистяков и капитан Щербань. Такие потери на второй день после вступления в бой!..»

Весна и лето 1943-го на Волховском фронте не принесли заметных перемен. Шли затяжные, изматывающие бои. В июле командир 942-го артиллерийского полка Н. И. Чистяков был тяжело

ранен, и в полк—под Вороново—прибыл новый командир, майор Бергер. Но с ним тут же произошёл трагикомический случай, из-за которого военная судьба Рожкова вновь круто изменилась. В штабе дивизии разрабатывалась новая наступательная операция; для получения боевого задания Бергер поехал к командующему артиллерией—как полагалось, верхом,—но ездить он не умел, упал с лошади, сломал руку и был отправлен в госпиталь. Командующий А. Г. Фомин вызвал в штаб Рожкова и приказал принять командование полком, готовиться к наступлению. «Когда я вернулся в свой полк,—рассказывал Павел Иванович,—мои разведчики, побывавшие на передовой у пехотинцев, доложили, что они слышали, как немцы через рупор кричали: „Еврей Бергер упал с лошади, сломал руку и отправлен в госпиталь. Теперь полком командует сибиряк Рожков“. Вот как была поставлена разведка у немцев!»

До самого ноября военная судьба бросала Рожкова и его полк на разные участки фронта. И в одном из боёв осколком немецкого снаряда командир 942-го артиллерийского полка был ранен в голову. Правда, «крылатое счастье» Рожкова, видимо, и здесь сыграло свою роль! Осколок угодил в звезду на шапке-ушанке и буквально вдавил её в лобную кость. Армейская звёздочка смягчила удар. Он не стал для Павла смертельным, хотя и оставил у него на лбу глубокую отметину на всю жизнь. Ранение было тяжёлое, и до февраля сорок четвёртого Рожков находился на излечении в госпиталях Тихвина и Окуловки. А 374-я стрелковая дивизия уже в январе участвовала в освобождении Любани, за что и получила «прибавление» к порядковому номеру—Любанская. Это был настоящий военный успех, о котором Павел так долго мечтал, к которому так тщательно готовился и в котором, конечно же, были и его труд, и его кровь! И вот—дивизия приносит «пользу Родине» без него...

Спустя много лет после войны Павел Иванович на основе воспоминаний одного из участников событий написал статью о Любанской операции сорок четвёртого. Вот она.

Бои за освобождение Любани

В описании боевого пути 374-й Любанской стрелковой дивизии обязательно должен быть раздел, в котором рассказывается о боях с 25 по 28 января 1944 года. В то время вокруг Любани и других населённых пунктов этого района немецко-фашистские войска имели несколько опорных пунктов, связанных между собой укреплёнными оборонительными позициями с траншеями полного профиля, с оборудованными стрелковыми ячеями и противоосколочными перекрытиями. На подступах к переднему краю противник оборудовал проволочные заграждения и минные поля. Оборонительные рубежи перекрывались огнём

артиллерии, миномётов и пулемётов. У немцев на небольшом участке фронта стояли батареи 150 мм орудий, три батареи 105 мм пушек, шесть автоматических пушек, много миномётов, крупнокалиберных и обычных пулемётов. На этих рубежах оборонялись подразделения 24-й пехотной дивизии, 12-й артиллерийской дивизии и 31-го пехотного полка фашистов.

Наша 374-я стрелковая дивизия с 22 января 1944 года вошла в состав 115-го стрелкового корпуса 54-й армии. Дивизией в то время командовал Борис Алексеевич Городецкий, ветеран дивизии, прошедший с нею весь путь, начиная от формирования её в городе Красноярского края осенью сорок первого года. Дивизия получила задачу развить успех на левом фланге корпуса в общем направлении на Чудский Бор—Померанье, преодолеть промежуточный рубеж обороны противника на реке Тигода, перерезать Октябрьскую железную дорогу, шоссе и автомобильную дорогу Любань—Чудово, а в дальнейшем овладеть городом Любань.

Части дивизии 1242-й сп, 1244-й сп, 1246-й сп и отдельный лыжный батальон, а также 942-й артиллерийский полк получили пополнение и провели обучение личного состава, привели в боевое состояние вооружение и технику, провели тщательную рекогносцировку противника. Войска дивизии после совершения форсированного марша из района Зенино с ходу вступили в бой в ночь на 23 января. Преодолевая огневое сопротивление противника, отразив несколько яростных немецких контратак, поддержанных танками, части дивизии продолжали движение на Померанье.

К исходу дня 28 января передовые подразделения дивизии, сломив сопротивление врага, вышли к шоссе и к полотну Октябрьской железной дороги и овладели станцией и населённым пунктом Померанье. Овладев этими рубежами, дивизия отрезала с юга группировку немцев, находящуюся в городе Любань. К этому времени другие соединения 54-й армии перерезали дороги на Любань с севера. Немцам угрожало окружение и плен. Под усиливающимся напором сибиряков-красноярцев, взаимодействующих с другими соединениями армии, противник был вынужден спешно оставить Любань и начать отвод войск по дороге на Коркино—Апраксин Бор. В течение четырёх суток части дивизии вели упорные бои с группой противника, прикрывающей отход главных сил оккупантов. Таким образом, своим успехом в боях за Померанье 374-я стрелковая дивизия содействовала освобождению Любани от немецко-фашистских захватчиков.

В приказе Председателя Государственного Комитета Обороны СССР Генералиссимуса И. В. Сталина от 28 января 1944 года в числе соединений

и частей, участвующих в освобождении города Любань, упоминается 374-я стрелковая дивизия, с этих пор получившая право носить почётное звание Любанская.

Разведывательные группы дивизии после взятия Любани внимательно следили за поведением противника и обнаружили его отходящие колонны по дороге на Апраксин Бор. К 29 января противник был окружён, дорога перерезана в районе 37,8 км. Эту задачу выполнили бойцы 1241-го стрелкового полка. В течение 30 января противник пытался прорваться, предпринимал неоднократные контратаки, поддерживаемые сильным огнём артиллерии, крупнокалиберных пулемётов и пехотного оружия. Одновременно немцы атаковали из Апраксина, чтобы обеспечить выход своим отрезанным подразделениям.

В течение суток 1242-й пехотный полк вёл бои по уничтожению живой силы противника. Другие два стрелковых полка (1244-й и 1246-й) отбивали контратаки немцев, идущих из Апраксина на помощь своим окружённым частям. Для отражения контратак противника на прямую наводку были поставлены орудия второй и седьмой батарей 942-го артиллерийского полка и орудия полковой артиллерии. В результате двухдневных боёв группировка противника была частично уничтожена и частично рассеяна. Было уничтожено много немецких солдат и офицеров, разбито 4 орудия, 8 пулемётов, 9 автомашин. В боях были захвачены следующие трофеи: орудий разных калибров—34, пулемётов—38, автоматов—32, винтовок—134, автомашин—111. Было захвачено 15 различных складов.

С рассветом 31 января части 374-й Любанской дивизии перешли к преследованию противника в общем направлении на город Луга. В боях за освобождение города Любань многие солдаты и офицеры дивизии отличились мужеством, бесстрашием и прекрасной выучкой. Многие оставили жизни на полях под Любанью. Память о них останется в наших сердцах навсегда.

В боях за освобождение города Любань мне участвовать не удалось, так как 14 ноября 1943 года в боях перед Вороново я получил тяжёлое ранение головы и находился в госпитале. О сражениях 1944 года, в которых принимали участие войска 374-й Любанской стрелковой дивизии, мне рассказывал бывший заместитель командира первого дивизиона 942-го артполка майор Яков Иванович Жильцов, участник этих боёв, ныне проживающий в городе Красноярске.

П. Рожков, 22.01.1977 года.

В конце января советские войска прорвали блокаду Ленинграда. Девятисотдневная осада города на Неве закончилась. Закончилась и боевая судьба Волховского фронта. Его части были переданы

Ленинградскому и Второму Прибалтийскому фронтам. Управление фронтом перешло в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. Это произошло пятнадцатого февраля 1944 года. А двадцать пятого февраля Павел Рожков выписался из госпиталя и получил назначение на Ленинградский фронт — командиром 725-го артиллерийского полка 196-й Гатчинской стрелковой дивизии. И хотя воевать на Ленинградском фронте ему пришлось недолго, он вместе со своим полком участвовал в освобождении Прибалтики и ещё дважды был ранен: в июне сорок четвёртого — пулей в стопу левой ноги, в августе — в районе Лауры (Латвия) получил пулю снайпера в бедро. Павел Иванович считал эти ранения лёгкими, хотя именно они, в конце концов, стали причиной самых тяжких его физических страданий на склоне лет.

А в ноябре сорок четвёртого Рожков становится слушателем Высшей офицерской артиллерийской школы сначала в Ленинграде, а затем в Коломне — под Москвой. Здесь, в Коломне, Павел Иванович и встретил Победу.

«Как бы хорошо мы ни представляли ход военных действий на территории фашистской Германии, — вспоминает он, — сообщение Советского Информбюро буквально поразило и необыкновенно обрадовало! Конец войне! И хотя мы уже не были участниками последних боевых операций, но нас, офицеров Советской армии, с огромной теплотой и сердечностью встречали, приветствовали, обнимали и целовали, не стесняясь слёз и дрожащего голоса, взволнованные мужчины, женщины и дети Коломны и Москвы».

Тринадцатого мая 1945 года, успешно сдав выпускные экзамены, Рожков получил направление на Третий Украинский фронт — в город Субботицу, что в Югославии. Так началось «военное турне» Рожкова по израненной Европе. По дороге к месту службы — в Вене — Рожков узнал, что штаб Третьего Украинского фронта из Югославии выбыл и теперь дислоцирован в Австрии, в предместье Вены — Бадене, знаменитом курорте, излюбленном месте отдыха русской богемы и аристократии, многократно воспетом на золотых страницах русской прозы... Вот где неутолимая «культурная жажда» молодого русского офицера получила некоторое удовлетворение! Он бродил по улицам Вены, наслаждаясь красотой её архитектуры... восхищался разнообразием экзотических цветов и деревьев в роскошном Баденском ботаническом саду. Это были мирные впечатления, питавшие воображение молодого человека почти забытыми интеллектуальными импульсами... Всё говорило Рожкову о том, что война для него — закончена, и его, только что подтвердившего свою высокую военную квалификацию, неудержимо потянуло домой, к любимому гражданскому ремеслу — цветной металлургии.

В Бадене, в штабе армии, Павел получил направление на должность начальника штаба 985-го Будапештского артиллерийского полка 320-й стрелковой дивизии. Полк, как и другие русские войска, двигался на Родину шоссейными дорогами по только что освобождённой от немцев Европе, и Рожков — где поездами, где на попутных машинах — догонял свой новый полк, пока не догнал его в Румынии, в небольшом селении недалеко от города Клуш.

«Поездка по странам Европы, только что освобождённым Советской армией, — пишет Павел Иванович в военных записках, — позволила мне лично убедиться в горестном положении народов Польши, Германии, Чехословакии, Австрии, Венгрии и Румынии. Простые люди, пережившие ужасы фашизма, с большой благодарностью отнеслись к нам, советским офицерам и солдатам, окружали нас вниманием, заботой, сердечной дружбой. Наши солдаты и офицеры оказывали нуждающимся людям всевозможную помощь и привлекли к себе доверие и любовь освобождённых от фашистского ига людей разных национальностей».

Сегодня эти искренние, бесхитростные строчки читаются с особым чувством! Волна надругательства над памятниками советским воинам-освободителям, прокатившаяся по Прибалтике в последние несколько лет... Злобное «оккупанты» о советских войсках, освобождавших Европу, на страницах рижских и таллинских газет... Потоки бессмысленных обвинений в адрес Советского Союза с высоких трибун в Латвии, Литве, Эстонии, за мирное свободное будущее которых сложили головы тысячи русских парней... Коротка память, да ложь длинна. И всё меньше остаётся свидетелей, которые могут собственным примером опровергнуть эту ложь. Павел Иванович Рожков не понаслышке знал аргументы против клеветы, возводимой на советского солдата. Как же болело его сердце, сердце ветерана Второй мировой, когда он с ней сталкивался!

985-й артиллерийский стал третьим полком, в котором ему довелось служить, но родной 942-й всегда оставался для него самым лучшим, самым организованным и надёжным — по всем статьям! Павел Иванович отмечает в своих записках: «Побывав во всех подразделениях своего нового полка, познакоmintись с личным составом штаба, я невольно с чувством гордости вспомнил свой первый родной полк, где всё было отлажено замечательным офицером-артиллеристом, умным и храбрым красноярцем А. Г. Фоминым».

Длинный путь полка на родину закончился в Каменец-Подольске на Украине. Здесь, в Прикарпатском военном округе, началась постепенная демобилизация — сначала рядовых солдат, а затем и офицерского состава. Последнее военное

подразделение, штабными делами которого распоряжался Рожков, — 1837-й гаубичный полк 503-й артиллерийской бригады. Павел Иванович занимал его демобилизацией, мечтая о возвращении к инженерной работе. Наконец многочисленные просьбы начальника штаба об увольнении в запас были удовлетворены, и двадцать восьмого июня 1946 года он едет домой, в Красноярск. В Москве — остановка. Надо ведь решить ещё проблему трудоустройства. Рожкова принимает начальник «Главникелькобальта» А. А. Миронов, которого Павел знал ещё студентом. Тот предложил Рожкову работу по специальности на комбинате «Печенганикель», расположенном на Кольском полуострове. В тот же день Павел познакомился с директором комбината Шевелёвым. Состоялся долгий, заинтересованный разговор... для отказа от назначения у Павла Ивановича вроде бы не было оснований. Директор и будущий специалист «Печенганикеля» договорились, что вместе вылетят на комбинат, как только закончится московская командировка Шевелёва. Казалось, вот она, судьба! Но... «крылатое счастье» Рожкова и здесь напомнило о себе, в который раз спасая ему жизнь и круто меняя направление личной истории.

Благодаря предложению Шевелёва у Павла оказалось несколько лишних дней в Москве. Он потратил их на то, чтобы встретиться со старыми московскими друзьями, с дорогими его сердцу профессорами мицмиза. В первую очередь он отправился на Крымский Мост, 3, где тогда находился институт цветных металлов и золота. Ему повезло. Он смог в один день увидеться и поговорить с В. А. Ванюковым, и с А. А. Цейдлером, и с академиками Д. М. Чижиковым и И. Н. Плаксиным.

«В знакомом мне кабинете, — пишет Павел Иванович, — где в тридцать восьмом году нашей группе мт-34 Игорь Николаевич читал факультативный курс металлургии благородных металлов, я увидел Плаксина и ещё одного человека с очень характерными чертами лица. Игорь Николаевич, знакомя нас, подчеркнул, что мы — одноклассники, выпускники „Минцветметзолота“.

„Селивёрстов... Николай Степанович, главный инженер Красноярского аффинажного завода“, — представил незнакомца Плаксин. Тут же завязался разговор. Селивёрстов с воодушевлением рассказывал о своём заводе, о перспективах его развития. И когда узнал, что я красноярец, что родители мои живут в Красноярске, стал настойчиво убеждать меня оставить идею поездки на „Печенганикель“, а вернуться на родную сибирскую землю. Игорь Николаевич предложение Селивёрстова решительно поддержал. И добавил, что директор аффинажного завода — тоже выпускник нашего института и бывший аспирант кафедры тяжёлых цветных

металлов Николай Дмитриевич Кужель. „Кроме того, — сказал Плаксин, — мне хорошо известно, что на Красноярском заводе работает ещё один инженер-металлург нашего института, Дмитрий Васильевич Филатов“.

Филатова я немного знал по институту. Он учился на курс старше меня. Таким образом, на Красноярском аффинажном заводе непроизвольно сформировалась серьёзная корпорация инженеров-металлургов Московской высшей технической школы. Всё складывалось наилучшим образом. Всё благоприятствовало моему возвращению к месту ссылки опального деда-украинца. Решение было принято. Я поблагодарил Игоря Николаевича, и видно было, что он удовлетворён.

Вместе с Селивёрстовым мы встретились с начальником Главного управления лагерей мвд СССР полковником Добровольским. Разговор был деловым, коротким. Добровольский отдал распоряжение о моём оформлении на Красноярский аффинажный завод.

Итак, проблема трудоустройства решена наилучшим образом. Необходимо перед отъездом в Красноярск заглянуть к Миронову. Когда я вошёл в кабинет начальника „Главникелькобальта“, Александр Александрович встал, пошёл навстречу, пожал мне руку и сказал: „Ты — счастливый человек!“ Естественно, я его спросил, в чём же моё счастье. И он рассказал, что директор комбината „Печенганикель“ Шевелёв не стал ждать моего прихода в главк, чтобы оформить назначение и вместе с ним улететь на комбинат. Шевелёв и его сотрудники поспешили очередным рейсом из Москвы вылететь на Кольский полуостров. Но случилось непредвиденное: самолёт потерпел аварию недалеко от комбината, и все, кто был на борту, погибли: и экипаж, и пассажиры...»

Так замкнулся — и тут же разомкнулся — очередной виток судьбы моего героя. Он начал войну старшим лейтенантом, закончил — майором. Заслужил боевые награды. Не раз смотрел смерти в глаза. Шесть раз был ранен и перед тем, как вступить на дорогу, открывающую новый горизонт, — чудом! — избежал трагического конца! Военный этап закончился для Павла Ивановича такой яркой, страшной и в то же время счастливой метой, что невозможно было не вдохнуть полной грудью ветер свободы и надежды, который настойчиво звал Рожкова в Красноярск! Он едет в поезде на родину, смотрит на пролетающие за окном вагона берёзовые рощи, горные перевалы, степи и тайгу — и вспоминает о городах и сёлах, ландшафтах и достопримечательностях тех мест, которые он наблюдал, следуя дорогами войны сначала с востока на запад, потом — с запада на восток. До австрийских Альп и обратно в Россию.

«О друзьях-товарищах...»

Из личного архива П. И. Рожкова

Журналист-краевед Иван Лалетин в заметке о Рожкове, опубликованной в газете «Красноярский рабочий» (3 ноября 2000 года), специально отметил: «Встречаясь с молодёжью, Павел Иванович рассказывает школьникам не столько о себе, сколько о тех замечательных людях, с которыми его сводили жизненные дороги — и фронтовые, и производственные». То же самое почувствовала и я, разбирая архив экс-директора «Красцветмета». Очевидно, он готовил материал для большой книги воспоминаний о войне. Сохранилось несколько почти готовых очерков о фронтовых друзьях, а также отрывки, наброски... Кое-что, видимо, предназначалось для работы журналистов. Один из очерков Павел Иванович заканчивает так: «Конечно, это очень беглое, поспешное и слабое повествование, и если вы что-нибудь из него получите, чтобы оставить память у норильчан об их земляке, я буду очень благодарен и удовлетворён». По сути дела, в этих простых словах заключено своеобразное завещание самого Рожкова, и я считаю долгом в этой книге отвести несколько страниц — воспоминаниям Павла Ивановича о фронтовых друзьях.

О В. А. Яковкине

Владимир Авенирович Яковкин окончил астрономическое отделение физико-математический факультета Ленинградского государственного университета задолго до начала Великой Отечественной войны. По зову сердца молодой астроном уехал на Чукотку, на самую отдалённую факторию, где находился астрономический пункт Академии наук СССР. Там, в девственной тундре, Яковкин вёл астрономические наблюдения на передвижных пунктах на некотором расстоянии от фактории. По ночам он занимался своей работой, а днём, после короткого отдыха, в одиночку ходил по тундре, изучая её природные особенности. Однажды каюр, местный абориген-чукча, который на собачьей упряжке перевозил Яковкина с аппаратурой к намеченному участку, посидев сутки в палатке, заявил, что ему пора, сидеть на месте он больше не может. Уговоры не помогли. Чукча уехал, как он объяснил, к своему старому другу, которого давно не видел и который живёт недалеко, «километров шестьдесят-семьдесят отсюда». Яковкин не в шутку встревожился. Но сделать ничего не мог. Ему оставалось только ждать свой «транспорт» обратно. Но каюр слово сдержал (как, впрочем, и всегда впоследствии). Он вернулся бодрым, радостным и разговорчивым. В гостях его хорошо угощали, о чём он поведал в деталях, энергично жестикулируя. Каюр огорчался: «Сейчас, куда ни поедешь, везде люди. Плохо. А вот раньше было

хорошо. Выйдешь в тундру — тишина, никого нет, ни одного человека. Знаешь, как весело! Теперь скучно. Очень скучно».

Когда началась война, Яковкин покинул Чукотку. На это решение повлияла и его личная драма. Владимир Авенирович разошёлся с женой и с горечью оставил любимое дело. Приехав в Игарку, Яковкин встал на военный учёт, и его довольно быстро призвали в Советскую армию. Владимир был этому рад: жизнь не сложилась — так появился достойный выход! Между Игаркой и Красноярском курсировал тогда пароход «Спартак». На нём Яковкин и отправился на «материк». И здесь, на борту парохода, неожиданно встретил свою судьбу... Это была молодая, стройная, очень красивая девушка, студентка педагогического института. Она возвращалась с летних каникул на учёбу в Красноярск. Фамилия у девушки была интересная, звучная — Чернобровкина. Молодые люди, казалось, всю жизнь только и ждали этой случайной встречи! Шла война, никто не мог даже отдалённо предположить, какие испытания уже совсем скоро выпадут на долю всей страны и каждого, и, пока «Спартак» не спеша двигался по Енисею в направлении Красноярска, они решили пожениться. Вскоре в одном из красноярских загсов была зарегистрирована новая семья. Но совместная жизнь молодых продолжалась недолго. Владимиру нужно было ехать к месту службы — в Назарово, где формировался 942-й артиллерийский полк, — вступать в должность старшего адъютанта второго дивизиона.

Мы с Володей подружились мгновенно. Наши отношения были почти идеальными. И хотя мы были равны по званию, я старательно учился у него. И недаром! Всё, что он делал, было отмечено основательностью и творческим подходом. Его оперативные и топографические разработки были уникальны! Это заметил командир полка майор А. Г. Фомин, и положение Володи в полку изменилось. Его перевели в штаб полка на должность помощника начальника штаба по разведке (пнш-2). До этого должность пнш-2 занимали два кадровых офицера. Но получалось так, что Фомин и Тихомиров не слишком одобряли их работу. Мои отношения с ними также не ладились, потому что они были кадровые военные, а я — с гражданки, и... слишком разное у нас было образование. Приход Володи Яковкина в штаб полка был для меня как праздник! Конечно, он был интеллектуал высшей академической пробы! Но и практикой владел в совершенстве. Его отец, Авенир Алексеевич Яковкин, профессор, известный в стране астроном, работал в то время в Киевской обсерватории. Когда мы с Володей говорили о его отце, он как-то в порыве откровенности признался, что ничего не понимает в той астрономии, которой занимается профессор Яковкин. Может быть, в этом была доля

свойственной ему скромности, но был, конечно, и особый смысл. Академическая наука всегда академична, а Владимир тянулся практике, к жизни. Наша совместная работа в штабе артиллерийского полка стала для меня интересна и необременительна. Находилась время для душевных бесед, мечтаний, хотя объём нашей деятельности всё время возрастал. Ежедневная оперативная работа, сводки, доклады в штаб дивизии, разведанные за сутки... Но Владимир всё делал быстро, чётко, красиво. Помимо всего прочего, он хорошо рисовал, чертил, быстро делал сложные расчёты... Словом, во всём, что он делал, чувствовался талантливый математик.

После того как Яковкина перевели в штаб полка на должность пнш-2, все дела разведки приняли другой оборот. Это было уже под Спасской Полистью, на Волховском фронте. Хорошо знавший математику, геодезию, топографию, новый пнш-2 изменил всё по существу. Разведка стала активной, действенной. Мы систематически, в разное время суток, выходили на наблюдательные пункты полка и дивизионов. Создавалась более полная разведсводка о противнике, его численности, передвижениях, инженерных работах, производимых солдатами...

Так как стрелковый полк, который мы поддерживали, был размещён впереди, в первых траншеях нашей обороны, то мы с Володиёвым Яковкиным решили побывать на участке одного стрелкового батальона — посмотреть, как обстоят дела у тех, кого мы поддерживаем огнём. Нам предстояло переправиться через речку Полисть, а затем по открытой местности перебежать на наблюдательный пункт командира батальона, в первую траншею. Наше «путешествие» совершалось на глазах занимавших Спасскую Полисть немцев. К всеобщему (то есть нашему и пехотинцев, к которым мы двигались перебежками) удивлению, противник хотя нас и видел, но ничего не предпринимал, так сказать, наблюдал молча. Наш визит для бойцов стрелкового батальона и их командира-старшины оказался приятной неожиданностью. Старшина показал нам свой участок обороны, его огневую систему, укрытия, всё хозяйство, пристрелянные их и наши артиллерийские, цели. С самой выгодной точки его обороны старшина показал нам всю систему обороны немцев. Рассказал о том, как они и немцы соседствуют.

Стояла ранняя весна. Общая обстановка не позволяла вести активные наступательные действия. Да и сил не было ни у нас, ни у немцев. Всё сводилось к взаимному строгому наблюдению за противником. Мы с Яковкиным перезнакомились с людьми, с хозяйством, с их образом жизни и во всех тонкостях условились, как будем держать связь, как будем отражать атаки, если немец решится атаковать. Наше гостевание у родной

пехоты завершилось «званным обедом» с фронтowymi ста граммами. А затем — обратный марш на КП артполка, в свой штаб. Наши друзья-пехотинцы были готовы прикрыть наш переход по передполю. Они внимательно следили за нашим перемещением по долине реки. Немцы сделали несколько автоматных очередей, но вскоре затихли. Видимо, друзья-пехотинцы успешно вступились за нас. Заставили немцев замолчать.

Благополучно вернувшись в штаб, мы подробно доложили Фомину и Тихомирову о состоянии батальона, его обустройстве и готовности к отражению противника. Готовность была перманентная...

В установившейся жизни полка изредка наступали светлые, радостные дни. В полк приходила полевая почта. Газеты фронтовики получали постоянно и во множестве. А получение писем — дело особое. Наступил момент оптимистический. Письма читали. На письма отвечали. Володя получил несколько писем от родителей. Они тогда жили в Свердловске. Авенир Александрович работал на Свердловской обсерватории. Мама занималась домашним хозяйством. Сестра Катя училась в аспирантуре. Все понемногу писали. Больше всех — мама Володи. Её письма были необыкновенно интересные, просто маленькие литературные шедевры. Светлые, лиричные. Щедрое на любовь сердце Володиной мамы, её высокий интеллект глубоко запечатались в её письмах. Мы читали эти письма всем составом штаба. Мы все её любили. До сих пор помню, как Володина мама проводила аналогии нынешней войны с Отечественной войной 1812 года. Она посвятила много строк героям той войны — Лунину, Раевским, Платову и другим героям-патриотам. Переписка продолжалась довольно долго, но ранения и госпитали в конце концов разорвали эту связь и для меня, и для Володи...

Во время синявинских боёв Яковкин получил назначение на должность начальника штаба артиллерии 374-й дивизии, а ещё раньше наш командир полка А. Г. Фомин был назначен на должность командующего артиллерией дивизии. Когда под Синявино сложилась особенно острая обстановка, Фомин лично прибыл в полк и уже как командующий приказал майору Н. И. Чистякову принять командование полком. А я стал начальником штаба полка. Двадцать девятого сентября 1942 года я принял штаб во время выхода наших подразделений из синявинского окружения. С тех трагических дней я долго ничего не знал о Яковкине. Но неожиданно меня нашло его письмо. Он писал, что находится в городе Семёнове, является слушателем Высшей артиллерийской штабной школы и скоро заканчивает курс. А его жена благополучно закончила институт, приехала к нему в Семёнов, и они безмерно счастливы. Следующее письмо от Володи я получил спустя долгое

время. Он писал, что командует артиллерийским полком. Его жена получила военную специальность и служила в полку вместе с мужем. Такие пары, женатого командира полка и его жену-военнослужащую, приходилось иногда встречать в некоторых дивизиях. Это было нормально, даже красиво. Но—стало причиной новой семейной трагедии Яковкина. Во время налёта немецкой авиации на командный пункт полка жена Володи погибла, а он сам получил тяжёлое ранение в ногу. Он был лишён возможности двигаться. В этот момент группа немецких разведчиков увидела раненого офицера. Немцы захватили Яковкина, уложили в плащ-палатку и ускоренным шагом двинулись на запад по шоссе. Но нашлись храбрые русские бойцы и бросились наперерез убегающим немцам, несущим в палатке раненого командира полка. За такой трофей немецких разведчиков ждала награда. Видно, от предвкушения они потеряли бдительность и попали под огонь наших солдат. Несколько немцев были убиты. Остальные рассеяны по лесу. Разведчики и связисты Яковкина вынесли своего командира из опасной зоны. А потом—госпиталь. Оттуда я и получил это печальное письмо.

Кончилась война. 25 июля 1946 года я демобилизовался. Первого сентября поступил на работу на Красноярский аффинажный завод. После фронта работа на заводе увлекла. Я много читал, экспериментировал, сделал несколько удачных исследований. В 1948 году мне вместе с группой инженеров завода за разработку методов получения чистых металлов была присвоена Сталинская премия. Это был первый итог инженерной работы металлурга, вернувшегося с фронта. Было много поздравлений, приветствий, торжеств... И вдруг приходит небольшое письмо. На конверте: «СССР. Лауреату Сталинской премии Рожкову Павлу Ивановичу».

Астроном-артиллерист Яковкин поставил верный прицел. Цель достигнута. Он нашёл меня. Полковник Владимир Авенирович Яковкин, как всегда, точен. Привет тебе, друг мой Володя. Астроном. Артиллерист.

О В. А. Елисееве

Среди личного состава 942-го артиллерийского полка, как и в составе других частей и подразделений нашей дивизии, было много выходцев из разных городов и населённых пунктов Красноярского края. В том числе—и из Норильска. Но за годы войны и долгие послевоенные годы имена и лица их исчезли из моей памяти. Но я никогда не забуду одного замечательного норильчанина, бывшего директора средней школы, Владимира Андреевича Елисеева. Когда я работал в Норильске (39–41 гг.), мы не были с ним знакомы. Может быть, он и слышал обо мне, так как нас, инженеров-металлургов, тогда было мало в Норильске, а я

был на заметной должности. Наше знакомство состоялось в Назарово в октябре 1941 года. Елисеев начал свою службу командиром взвода штабной батареи. По характеру службы и работы мы с ним часто встречались. Он уже в то время отличался от многих офицеров полка внешней подтянутостью, строгой личной дисциплиной. И всё же особенно близко мы сошлись—и в личном, и в служебном отношении,—когда полк весной 1942 года стоял в обороне после жестоких зимних наступательных боёв.

Главной отличительной чертой В. А. Елисеева была естественная человеческая простота. За всё время нашего пребывания в действующей армии и в мирное время я никогда не слышал, чтобы он повышал голос, его разговор всегда был ровным, спокойным, но таким убедительным, что повторения не требовалось. Всё было ясно. Так было, и когда он отдавал распоряжения подчинённым, и когда докладывал начальнику по службе в штабе полка. Офицерам, мобилизованным в армию в первые дни войны, как правило, выдавалось самое простое обмундирование. Гимнастёрка, шаровары, шинель, полушубок были точно такими же, как у рядовых солдат и сержантов. Но на Елисееве эта простая полевая военная форма сидела так ловко, так красиво, что казалось, будто он её подгонял с помощью умелого портного. На самом же деле это было обмундирование общего пошива, полученное с полкового склада и тотчас же надетое. Пистолет ТТ он носил в простенькой дерматиновой кобуре, а полевая сумка, тоже дерматиновая,—на плетёном матерчатом ремне. У других офицеров это всё было нескладно, торчало в разные стороны, а на Елисееве—выглядело настоящим офицерским обмундированием, сделанным из добротной кожи. Надо же было уметь так прилаживать на себе обыкновенное снаряжение, что даже тогда, когда Владимир Андреевич оказывался рядом с офицером, затянутым в роскошную командирскую португую, то и тогда присутствующие замечали сначала Елисеева и только потом переводили взгляд на остальных офицеров.

Я вполне уверен, что в своей работе командира батареи Елисеев применял свой многолетний опыт педагога-воспитателя, недавнего директора школы. Он провёл большую работу по укреплению морально-бытовых качеств личного состава батареи. С большим умением и тактом Елисеев связывал командование людьми с политической работой. Его подразделение всегда отличалось особым боевым патриотическим духом. Военная зима сорок первого—сорок второго года в районе станции Мостки была очень суровая, снежная, а весна—тёплая и дружная. Снега сходили-таяли очень быстро. И все низменные участки были залиты вешними водами, а многочисленные лесные болота превратились в труднопроходимые топи.

Озёрные заболоченные участки леса были непроходимы для артиллерии и танков. Продовольствие, боеприпасы и документы доставлялись только верхом или пешим порядком. Елисеев в это время командовал штабной батареей, которую превратил в одно из самых успешных подразделений полка. Солдаты, сержанты и офицеры штабной батареи всегда имели бравый, опрятный, подтянутый вид, несмотря на крайне тяжёлые бытовые условия... Батарея обеспечивала командование полка информацией, связью, топографическими данными. Каждое утро, ещё до рассвета, Елисеев появлялся в штабном блиндаже и на командном пункте командира полка. Он всегда был впереди колонны бойцов, которые шли сменить своих товарищей, несущих ночную службу на КП. Как сейчас вижу Владимира Андреевича в телогрейке, перетянутого ремнями, с пистолетом и планшетом на боку, с длинной палкой в руке — для безопасности на болоте. Он бодро подходит к штабному блиндажу, на ходу подавая голос, узнавая, все ли мы живы и здоровы, тепло и дружелюбно приветствуя нас. Это был человек огромной энергии, всегда бодрый, жизнерадостный. Офицеры штаба полка всякий раз искренне радовались его приходу. К подчинённым Елисеев был добр и справедлив. Он знал их заботы и нужды, и они платили ему доверием и уважением.

Когда я уже был начальником штаба полка, Елисеев стал моим первым помощником (пнш-1). В те моменты боя, когда все явления скоротечны, а приказы и распоряжения должны быть исчерпывающими, краткими, точными и ясными, наше взаимопонимание с Владимиром Андреевичем было главным средством успешного и быстрого решения всех вопросов, возникающих во время боя. В короткие промежутки между маршами и боями, в часы кратковременного отдыха мы разговаривали с Елисеевым о том, что интересовало и волновало нас обоих: о Норильске и его богатствах, о Завенягине, о его таланте руководителя и инженера, много говорили об исходе войны, втором фронте, о тех местах, где приходилось воевать или отдыхать, о литературе и искусстве... Вместе с Елисеевым в штабной батарее 942-го артиллерийского полка служил молодой офицер Леонид Щербань, уроженец Сумской области, выпускник специального артиллерийского училища, которое он перед войной закончил с отличием. Щербань имел отличную военную и артиллерийскую подготовку, хорошо стрелял, быстро готовил данные для стрельбы по целям, умело управлял батареей, дивизионом и корректировкой огня. У капитана Елисеева не было специального артиллерийского образования, поэтому, подружившись с молодым офицером, он тактично и настойчиво использовал его знания для собственного совершенствования в военном деле, применял их в практике ежедневной

боевой жизни. А Щербань, со своей стороны, «подпитывался» от старшего друга знаниями из области науки, литературы, истории, искусства. Это была прекрасная дружба двух боевых офицеров.

В сентябре сорок второго года В. А. Елисеев в звании капитана был назначен помощником начальника штаба полка, а к этому времени получил назначение на должность заместителя командира дивизиона. Наши встречи стали реже, но я знал по документам, которые поступали в дивизион, что и на новом месте Елисеев работает самоотверженно и квалифицированно. После неудачных боёв в течение почти всего сентября сорок второго в районе Синявино 374-я стрелковая дивизия и наш артиллерийский полк вместе с другими соединениями, участвовавшими в боях по прорыву обороны противника вокруг Ленинграда, оказались в окружении. Был получен приказ командира армии о выводе войск из окружения. Я выходил из окружения вместе с тогдашним командиром 942-го артполка майором Чистяковым. Капитан Елисеев тогда, рискуя жизнью, спас знамя полка и секретную штабную документацию.

Вскоре Владимир Андреевич был откомандирован для дальнейшего прохождения службы в штаб восьмой армии. Пришло время расставания с большим, надёжным другом и верным товарищем. Как водится, мы немного посидели, хорошо побеседовали, выпили по фронтовой порции русской водки из алюминиевой кружки и расстались, договорившись, что встретимся «в шесть часов вечера после войны» в Красноярске, как тогда шутили на фронте. Я ему дал адрес моих родителей. Больше за время войны мы не встречались. Редкие фронтовые письма его извещали, что он получил назначение на должность начальника штаба миномётного полка и воевал где-то недалеко от меня на Волховском фронте. Уже в сорок четвёртом году мы получили известие, что капитан — а в то время, видимо, уже майор — Елисеев получил тяжёлое ранение в голову.

Я демобилизовался из рядов Советской армии летом 1946 года и возвратился на родину, в Красноярск, где с первого сентября приступил к работе на Красноярском аффинажном заводе. В последних числах сентября в доме моих родителей был обычный семейный вечер: много гостей, родных и знакомых, у всех весёлое, бодрое настроение, за столом шла оживлённая беседа. Вдруг в окно, выходящее на улицу Маркса, громко постучали. Мама подошла к окну и спросила, кто стучит. Последовал вопрос: «Иван Павлович Рожков здесь живёт?» — «Да», — ответила мама. «А майор Павел Рожков здесь сейчас? А то мы договорились встретиться по этому адресу „в шесть часов вечера после войны“...» Когда мама об этом сказала замолкшим гостям, я бросился навстречу дорогому Владимиру Андреевичу, как

всегда, аккуратно, подтянутому, с гвардейской выправкой. Застолье продолжилось, но только ещё более радостное, праздничное. Ведь теперь это была ещё и встреча старых фронтовых друзей. Трудно передать словами чувства, которые охватили нас. И чувства удивления и восторга в душе гостей... В разговорах обнаружилось, что у нас с Елисеевым у обоих осколочные ранения в голову и что мы оба остались живы благодаря случайности. Понятно, что мы тогда засиделись до глубокой ночи, а потом простились. Елисеев уехал опять в Норильск, а я продолжал жить и работать в Красноярске.

За долгие годы работы на Красноярском заводе цветных металлов мне приходилось не раз по служебным делам бывать в Норильске, и мы, конечно, с Владимиром Андреевичем встречались. Я всегда был желанным гостем его семьи. Были разговоры, горячие душевные беседы—ведь позади остались тяжёлые годы большой грозной войны. Вспоминали о друзьях-товарищах, однополчанах—капитане Щербане, старшем лейтенанте Литвине и других товарищах, сложивших головы в боях. Через некоторое время Владимир Андреевич переехал в Красноярск, работал заместителем директора Красноярского алюминиевого

завода. Наши встречи стали чаще и были связаны не только с воспоминаниями о прошлой войне, но и с работой, так как оба завода входили в один Красноярский совнархоз, а позднее—в одно министерство цветной металлургии СССР. Владимир Андреевич и здесь был таким же пунктуальным и точным, по-офицерски подтянутым, несмотря на гражданский костюм. Солдат всегда и везде остаётся солдатом. Внезапная смерть друга поразила меня, эту тяжёлую утрату я тяжело переживаю и сейчас.

О К. И. Тихомирове

В Назарово, к месту формирования 942-го полка, капитан Тихомиров прибыл из Забайкальского военного округа, где служил в кадровом артиллерийском полку. С первой же встречи он произвёл на меня самое благоприятное впечатление. Высокий, стройный, атлетического сложения, он показался мне образцовым офицером. У меня было убеждение, что именно такие офицеры во все времена были красой, гордостью и силой русского воинства! Они рождались для военного дела и всю свою сознательную жизнь, всё, что имели, до последнего дыхания, отдавали вооружённым силам Родины.